

INSPIRIA

АННАБЕЛЬ ЭББС

ГОТОВИТСЯ
ЭКРАНИЗАЦИЯ
CBS
STUDIOS

НА КУХНЕ МИСС ЭЛИЗЫ

РОМАН

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
ОДНА КУХНЯ

INSPIRIA

Novel. Кинопремьера

Аннабель Эббс

На кухне мисс Элизы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Эббс А.

На кухне мисс Элизы / А. Эббс — «Эксмо», 2020 — (Novel.
Кинопремьера)

ISBN 978-5-04-166972-0

«На кухне мисс Элизы» входит в список лучших исторических романов по версии New York Times. Эта история основана на реальных событиях, которые произошли с английской поэтессой Элизой Актон и ее верной помощницей Энн Кирби. Прелести современной кулинарии не останутся незамеченными для читателей, которые потратили последний год на то, чтобы научиться печь домашний хлеб. Это невероятная история двух жизнерадостных женщин, которые проложили свой путь и нашли свой голос в совсем другое время. «На кухне мисс Элизы» была переведена на 16 языков, а CBS Studios готовится ее экранизировать. История Элизы и Энн доказывает: чтобы изменить мир, достаточно научиться варить яйца. Англия, 1837 год. Когда королева Виктория начинает свое правление, Элиза Актон вносит последние штрихи в сборник стихов. Она мечтает, чтобы ее книга увидела свет, но своенравный издатель уверяет Элизу, что поэзия – не женское дело. То ли дело кулинарная книга. Элиза никогда не готовила, однако сдаваться не намерена. Она нанимает в качестве помощницы семнадцатилетнюю Энн Кирби, и между девушками зарождается крепкая дружба. Собирая рецепты со всего мира и осваивая кулинарное дело, Элиза и Энн создают уникальную книгу, ломая социальные стереотипы викторианской Англии. Это история о вкусной еде, семейных тайнах и настоящей дружбе, но главное – это история о женщинах, которые навсегда изменили отношение к кулинарии. «Интригующая дружба Элизы и Энн, прекрасное повествование о любви к еде и реальный жизненный опыт женщин, живших в викторианской Англии». – Сара-Джейд Верчю и Клэр Хей, Simon & Schuster UK «Я всегда была очарована старыми кулинарными книгами, поэтому блюда из этой истории покорили меня». – Люсия Макро, HarperCollins US «Элиза Актон – настоящее открытие». – Клэр Пули «Голоса Элизы и Энн сменяют друг друга, но еда всегда стоит на первом месте». – New York Times

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-166972-0

© Эббс А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	10
Пролог	11
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Аннабель Эббс

На кухне мисс Элизы

Annabel Abbs MISS ELIZA'S ENGLISH KITCHEN

Copyright © Annabel Abbs, 2020

This edition published by arrangement with Zeitgeist Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Ларисы Таулевич Cover © CollaborationJS

Фотография на переплете: © CollaborationJS / Arcangel.

В оформлении использованы фотографии: переплета – © Lyotta / Shutterstock.com;
суперобложки – © Aprilphoto / Shutterstock.com.

Иллюстрация на форзаце – © nnattalli / Shutterstock.com

© Таулевич Л., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

АННАБЕЛЬ ЭББС

НА КУХНЕ МИСС ЭЛИЗЫ

INSPIRIA

Москва
2022

Моей дочери Брайони,

соратнице по литературному труду и верной подруге на кухне

*Жизнь мрачных тайн полна; найдется ль сердце,
Что не таит от мира скорбь свою?*

Летиция Лэндон. Тайны. 1839

*Но самое страшное горе из всех – то, что таится в бесслезной
тоске.*

Элиза Актон. Оставь меня. 1826

*Осмелюсь высказать предположение, что авторами великого
множества стихов, опубликованных анонимно, были женщины.*

Вирджиния Вулф. Своя комната. 1929

Предисловие

Это художественное произведение основано на общеизвестных фактах из жизни поэтессы, кулинарной писательницы-новатора Элизы Актон и ее помощницы Энн Кирби. В период с тысяча восемьсот тридцать пятого по тысяча восемьсот сорок пятый год Элиза и Энн жили в городке Тонбридж, графство Кент, и трудились над книгой рецептов, которую впоследствии называли «величайшей британской кулинарной книгой всех времен» (Би Уилсон, «Телеграф») и «лучшей поваренной книгой, написанной когда-либо на английском языке» (доктор Джоан Тёрск). Книга стала бестселлером своего времени не только в Великобритании, но и за ее пределами. За тридцать лет было продано более ста двадцати пяти тысяч экземпляров. Книга оказала заметное влияние на более поздних кулинарных авторов, включая Элизабет Дэвид, называвшую ее своей «любимой спутницей и наставницей», и Делию Смит, которая считала Элизу Актон «лучшей кулинарной писательницей в англоязычном мире» и признавалась, что та стала для нее неисчерпаемым источником вдохновения и оказала огромное влияние».

Пролог 1861 *Гринвич, Лондон* Энн

Перед уходом на работу мистер Уитмарш совершает нечто из ряда вон выходящее. Он вручает мне подарок. Аккуратно завернутый в коричневую бумагу. Перевязанный не ленточкой, а простой бечевкой. И все равно – подарок.

– Это тебе, моя милая Энн, – говорит он, не отрывая слезящихся глаз от карманных часов.

Ему нравится называть меня «своей Энн», хотя я считаю, что прислуге моего возраста, с моим опытом больше подходит «миссис Кирби». Правда, я не только прислуживаю. Я согреваю по ночам его постель и заплетаю косички его дочерям, оставшимся без матери.

Как только затихает звук его шагов по мраморному полу, я с любопытством ощупываю сверток. По форме и весу понятно: это книга. Теряясь в догадках, я дергаю за концы бечевки и нетерпеливо разрываю упаковочную бумагу. В мыслях полная сумятица, точно в голову засунули венчик для яиц и взбили мозги в пышную пену.

Может, это стихи? Роман? Или географический атлас? С какой стати мистер Уитмарш решил купить мне подарок? Обрывки бумаги падают на пол. Совсем не похоже на меня – впадать в такой... буйный восторг. Я улыбаюсь, вспомнив, чье это выражение.

Мистер Уитмарш знает, что я люблю читать – не раз ловил меня с полочным. Однажды застукал в библиотеке, когда я рассматривала сборник карт. В другой раз – у плиты, с книгой стихов. А как-то я зачиталась романом, вместо того чтобы до блеска натирать полы. Но разве не поэтому он столь охотно делит со мной постель? И так любовно называет своей Энн?

Кончики моих губ вздрагивают в едва заметной улыбке, которая тотчас вянет. Пена в голове оседает. Клочки оберточной бумаги разбросаны под ногами. Огромная, толстая книга совсем не похожа на сборник стихов или роман. Тем более – на атлас. Я переворачиваю ее, нюхаю кожаный переплет, трогаю рукой гладкий корешок. Провожу кончиками пальцев по обложке с выпуклыми позолоченными буквами. «Руководство по ведению домашнего хозяйства от миссис Битон».

Меня охватывает разочарование. Зачем мне такая книга? Пальцы машинально листают страницы, буквы пляшут и расплываются перед глазами. «Телячье колено с рисом... горчичный тартар... репа в белом соусе... пудинг с крыжовником»...

Я издаю возмущенный, совсем не элегантно хрюкающий звук. Мистер Уитмарш купил мне книгу рецептов! Он еще больший фигляр, чем я подозревала.

Движения моих рук замедляются, я фокусирую взгляд и начинаю читать рецепт гофрированного лосося под соусом из каперсов. У меня появляется странное чувство. Мозг, еще несколько минут назад взбитый в пышную пену, сжимается до размеров лесного ореха.

Каждое слово, каждый ингредиент поразительно знакомы. Я переворачиваю страницу, читаю. Листаю дальше, еще дальше... и вдруг до меня доходит: это мои рецепты. И, конечно же, *ее*. Я узнаю их, потому что не раз готовила эти блюда. И записывала свои наблюдения на грифельной доске. Кусочком мела. День за днем. Из года в год.

Наши рецепты украли, переписали по-новому, лишили изящного, элегантного стиля, тонкого юмора. Остался только костяк – бесстрастные списки ингредиентов и сухие указания, подписанные именем некой миссис Битон. Это наши рецепты, мои и мисс Элизы, труп которой едва успел остыть в своей могиле.

Я читаю дальше, ощущая на языке вкус каждого блюда: сладковатая нежность лука-порей, молодой зеленый горошек, утопающий в растопленном масле, невесомая, как облако, белоснежная меренга. Постепенно, перебирая рецепты, я мысленно возвращаюсь на кухню в Бордаик-хаусе, где воздух пропитан густым духом запеченных голубей, жареного лука, тушеных слив. Слышу скрип колонки в буфетной, треск поленьев в печи, звон посуды и бряцание приборов, стук скалки по столу, бесконечное клокотание и бульканье в горшках.

Отложив в сторону книгу мистера Уитмарша с украденными рецептами, я медленно опускаюсь на колени, чтобы собрать с пола обрывки бумаги. В этот момент появляется *она*. Я узнаю ее легкую и решительную походку. Она идет ко мне, шелестя юбками. «Ты здесь, Энн?» – слышу я настойчивый и одновременно ласковый голос. Следующие слова я знаю наизусть. «Сегодня у нас много работы». Я жду. Тишина. Со двора доносится заглушаемое ветром воркование голубки, выводит вдохновенные рулады соседский петух.

И я внезапно понимаю, что должна сделать.

Глава 1

Элиза

Рыбы скелеты

Полдень в лондонском Сити встречает меня грохочущими по булыжникам повозками и экипажами, воплями уличных зазывал с тачками и ручными тележками, толкотней и давкой. Голые по пояс сухоребрые мальчишки, точно изголодавшиеся птенцы, бросаются подбирать дымящиеся конские яблоки. Сегодня самый жаркий день в году – во всяком случае, так думаю я, изнемогая от духоты в своем лучшем шелковом платье с тугим корсетом. На Патерно-стер-роу пышет жаром каждый камень, каждый медный колокольчик, каждый чугунный поручень. Даже деревянные леса, подпирающие недостроенные здания с пустыми провалами окон, раскалились от зноя и скрипят от жажды.

Самый важный день в моей жизни. Чтобы успокоить натянутые, как струны, нервы, я рассматриваю окружающую картину и облакаю ее в слова. Толпа, текущая вдоль той стороны улицы, на которую отбрасывают тень более высокие здания. Блестящие от пота бока запряженных в повозки лошадей. Мелькающие в окнах экипажей веера из петушиных перьев. Поникшие кнуты возниц. И солнце – огромный золотой шар в бесконечной голубизне небесного купола.

Я останавливаюсь: не совсем правильный ритм. Может быть, «далекие небесные чертоги» звучат приятней, чем «голубизна небесного купола»? Я беззвучно произношу слова, верчу на кончике языка, они эхом отзываются в ушах... Далекие небесные чертоги...

– Смотри, куда идешь, старая кошелка!

Я отскакиваю и спотыкаюсь – чуть не угодила под телегу с гнилой капустой. Нестерпимо хочется оказаться дома, в чистоте и уюте. Мне не место на зловонном поле боя, которое представляет собой центр Лондона.

Покинув теньевую сторону улицы, по которой несется взбудораженная толпа, я перехожу на солнечную. Народу на солнцепеке меньше, зато смрад гуще: немые тела, гнилые зубы, омерзительные помои. Что только не валяется под ногами, между булыжниками мостовой: выбеленные селедочьи скелеты, битые ракушки, ржавые гвозди, плевки жевательного табака, кишася червями дохлая мышь, гниющая апельсиновая кожура и яблочные огрызки, усыпанные фруктовыми мушками. Все это либо высушено, либо медленно разлагается, издавая чудовищный смрад. Я затыкаю нос пальцами – нет никакого желания превращать это гадкое злование в поэзию.

– Далекие небесные чертоги, – тихонько бормочу я.

Рецензент моего первого поэтического сборника назвал его «изящным и тонким», и мне представляется, что «далекие небесные чертоги» – столь же изящно и тонко. А вот что скажет мистер Томас Лонгман, издающий знаменитых поэтов? Мысль о мистере Лонгмане стремительно возвращает меня в настоящее, к моей миссии.

Опустив голову, я разглядываю влажный шелк своего зеленого платья с большими темными кругами пота под мышками. И почему я не наняла экипаж? Теперь явлюсь на самое важное свидание в своей жизни, истекая потом, точно горячий ребенок.

Вот и медная табличка на двери, указывающая, что здесь находится штаб-квартира мистера Лонгмана, издателя и книготорговца. Я останавливаюсь, перевожу дух. И в это мгновение вся моя жизнь, мое прошлое, бескрайняя высь небес, пестрая суeta лондонской улицы – все сходится в одной трепещущей точке. Момент истины. Я ждала его долгих десять лет... Мой звездный час...

Убрав с шеи выпроставшиеся из прически локоны, я прячу их под шляпку и вновь провожу руками по влажным складкам платья. Готова! Дрожа от волнения, я дергаю дверной коло-

кольчик, который издает пугающе долгий звон, и меня направляют через помещения, битком набитые книгами, к узкой лестнице. Наверху – еще одна комната, столь плотно заставленная книгами, что едва остается место для моих юбок. Мистер Лонгман – судя по всему, это он, – сидит за столом, изучая раскрытую карту, так что мне видна только увенчанная пышной растительностью макушка.

Он не обращает на меня внимания, и я пользуюсь возможностью рассмотреть его глазами поэта. Он увешан золотом. На обеих руках сверкают золотые перстни с печатками, а в складки черного сюртука уходит золотая цепь для часов. У него густая шапка седых волос со стальным отливом.

Мистер Лонгман поднимает голову, являя взгляду румяное лицо, розовый оттенок которого подчеркивает галстук из шелковой саржи лавандового цвета, подпирающий многослойный подбородок. Над глазами, утопленными в глубь черепа, нависают растрепанные кустистые брови.

Он бросает на меня равнодушный взгляд из-под полуприкрытых век:

– А, миссис Актон...

У меня вспыхивают щеки.

– Мисс Актон, – говорю я, сделав ударение на слове «мисс».

Он кивает, затем раздвигает карты, книги и чернильницы, образовав подобие туннеля, в который просовывает руку. Я непонимающе смотрю на бледную мягкую ладонь. Он хочет обменяться рукопожатием, как принято у джентльменов? Не похоже, чтобы он собирался поднести мою руку к губам или встать и поклониться. Пожимая руку издателя, я чувствую странное волнение, необъяснимый затаенный трепет.

Он вяло копается в бумагах, разбросанных по столу.

– Что там у вас?

– Я вам писала, сэр. Книга стихов, над которой я неустанно трудилась в течение десяти лет. Моя первая книга была опубликована Ричардом Деком в Ипсвиче, и вы продавали ее в этом самом магазине.

Как только с языка срываются эти слова – я и не ожидала от себя такой бойкости, – перед глазами проплывает видение: мисс Л. Э. Лэндон вслух читает стихи из моей книги, переплетенной в мягчайшую тюленью кожу, с моим именем, вытисненным золотыми буквами. Картина столь ярка и отчетлива, что я вижу даже выступившую в уголке ее глаза слезинку, одобрительный изгиб губ, и как бережно она листает страницы, словно они сделаны из нежнейшего гусяного пуха.

Но тут мистер Лонгман совершает нечто столь обескураживающее, столь огорчительное, что я начисто забываю и о мисс Лэндон, и о своей опубликованной книге. Он возмущенно трясет головой, как если бы я самым непростительным образом исказила факты.

– Уверяю вас, сэр, моя книга продавалась в вашем и многих других солидных магазинах. Она была переиздана через месяц, и...

Мистер Лонгман перебивает меня громким, нетерпеливым вздохом, убирает руку со стола и промокает платком лоб.

– Я сама занималась подпиской и получала заказы из Брюсселя, из Парижа, с острова Святой Елены. Мои читатели убеждены, что мне нужен издатель с вашим влиянием, сэр.

Меня пугают нотки отчаяния, звучащие в моем голосе. И тщеславия. В голове вертятся слова матери: «Твоя жажда признания... сомнение... у тебя нет чувства собственного достоинства...»

Мистер Лонгман трясет головой с таким яростным ожесточением, что складки подбородка подпрыгивают, а капельки пота со лба летят на карту.

– Поэзия – не женское дело, – изрекает он.

Я ошеломленно замираю. Разве он не слышал о Фелиции Хеманс¹? О Летиции Лэндон²? Об Энн Кэндлер³?

Я открываю рот, однако возразить не успеваю. Он рубит рукой воздух, точно знает, что я собираюсь сказать, и не намерен это выслушивать.

– Другое дело – романы... Романчики, мисс Актон, пользуются успехом среди юных дам.

Он делает ударение на «юных». Я вновь вспыхиваю. Все мое возбуждение и смелость как рукой снимает.

– Любовные романчики. У вас, случайно, не завалилось такого?

Я моргаю и пытаюсь собраться с мыслями. Он вообще читал мое письмо? А полсотни стихотворений, старательно выведенных моим каллиграфическим почерком, что я лично принесла сюда полтора месяца назад? Если нет, то зачем писал мне и приглашал на встречу?

К моему огорчению, в горле встает ком, а нижняя губа начинает подрагивать.

– Да, – продолжает мистер Лонгман, обращаясь как бы к самому себе, – я бы, пожалуй, рассмотрел готический романчик.

Я прикусываю дрожащую губу и собираюсь с духом. Меня охватывает не то злость, не то раздражение.

– Недавно несколько моих стихотворений были опубликованы в «Садбери покетбук» и «Ипсвич джорнел». О них весьма лестно отзывались.

Я сама удивляюсь своей дерзости. Но мистер Лонгман пожимает плечами и возводит очи к низко нависшему потолку.

– Не нужны мне ваши стихи! В наше время поэзия не пользуется спросом. Если вы не можете написать славный готический романчик...

Мой собеседник беспомощно роняет руки на стол. Глядя в его пустые ладони, я чувствую, как меня покидают остатки куража и самообладания. Десять лет труда – все напрасно. Чувства, стремления, все, чем мне пришлось пожертвовать ради стихов, пропало зря. По грудной клетке стекают ручейки пота, перехватывает горло, становится нечем дышать. «Как больно бьется сердце, угасая в тишине...»

Мистер Лонгман чешет затылок и продолжает разглядывать потолок. Подошвы его башмаков выстукивают дробь под столом, точно он забыл о моем присутствии. А может, просто задумался, можно ли доверить мне написание готического романа. Моя попытка скромно откашляться больше напоминает сдавленный всхлип.

– Сэр, а вы не могли бы вернуть мои стихи?

Он хлопает в ладоши и так резко подхватывается с места, что цепочка от карманных часов издает дребезжание, которому вторит звон серебряных пряжек на башмаках.

– Нет, не нужно романа. Романистов у меня пока хватает.

– Моя рукопись, сэр, разве вы ее не получали? – едва слышно бормочу я.

Неужели он потерял мои стихи? Беспечно засунул их куда-то между бумаг и карт? И теперь выгонит меня... с пустыми руками. Даже не пообещав принять роман. «Несчастливая самозванка, – шепчет внутренний голос, – он бросил твои жалкие стихотворные потуги в огонь...»

Я обвожу взглядом комнату, ища обуглившиеся останки своих стихов. Мистер Лонгман вновь хлопает в ладоши. Я удивленно смотрю на него: это что, новая манера прощания с неугодными поэтами? Нет, он, не разжимая ладоней, сверлит меня огненным взглядом и изрекает два слова:

– Кулинарная книга!

¹ Английская поэтесса (1793–1835). (Здесь и далее прим. ред.)

² Английская писательница и поэтесса (1802–1838).

³ Английская поэтесса, известная как «суффолкский дачник» (1740–1814).

Я недоуменно вздрагиваю. Он не только груб, но и чрезвычайно странен. За кого он меня принимает? Да, мне тридцать шесть лет, я не замужем, и платье мокрое от пота, но я не домашняя прислуга.

– Идите домой и напишите кулинарную книгу. Тогда, возможно, мы придем к соглашению. Всего хорошего, мисс Актон.

Мистер Лонгман опускает руки на заваленный бумагами стол, и я долю секунды надеюсь, что он ищет мои стихи, однако он указывает мне на дверь.

– Я... не готовлю... не умею готовить, – запинаясь, бормочу я, и, точно сомнамбула, направляюсь к двери. Меня охватывает разочарование. От моей показной бравады не осталось и следа.

– Если вы умеете писать стихи, то и с рецептами справитесь.

Он стучит пальцем по стеклянному циферблату карманных часов и с раздраженным стоном подносит их к уху.

– Адская жара, и я потерял кучу времени. Хорошего дня!

На меня накатывает неудержимое желание бежать. Прочь от ужасающего лондонского смрада, прочь от унижения – мои стихи сравнили с кулинарной книгой! Я со слезами на глазах бегу вниз по лестнице.

– Изящную и тонкую, мисс Актон! – кричит мне вслед мистер Лонгман. – Принесите мне кулинарную книгу, столь же изящную и тонкую, как ваши стихи.

Глава 2

Энн

Похлебка из репы

Никогда в жизни я не испытывала такого позора. Я нечаянно засыпаю, а через четверть часа, когда открываю глаза, надо мной черной тенью нависает викарий Торп.

– Ой, ваше преподобие, – бормочу я, вскакивая на ноги.

Я сразу понимаю, зачем он здесь. По правде, я ждала этого дня. Его глаза кружат по комнате, точно ветряные мельницы. Глаза человека, не знающего, что такое голод. Он рассматривает наш домишко: затянутый паутиной дымоход, груды зловонных тряпок, что я не успела постирать, черные клочья собачьей шерсти по углам. Слава богу, хоть очаг успела вычистить и золу вынесла.

За спиной у викария – моя мама, вцепилась ногтями в обмотанную вокруг нее простыню. Эти узлы – не иначе работа миссис Торп. Значит, маму нашли неодетой. Скорее всего, на берегу реки, куда она ходит мыться и забывает потом надеть платье. Я вздрагиваю от этой мысли – какой срам, ее могли видеть с барж, проплывающих мимо, и работяги с пороховой фабрики...

– С этим пора кончать, – говорит его преподобие, оглаживая толстый, круглый от пирогов и пудингов живот.

– Она бродила по округе? Я привязала ее к себе, но нечаянно уснула.

Я не говорю ему, что мама всю ночь не давала мне спать, требовала то одно, то другое, дергала за веревку, щипалась, лягалась, рвала ногтями свою ночную сорочку.

– Сколько она уже... – Викарий многозначительно опускает голову к земле, точно намекая, что это проделки дьявола.

Однако я знаю, что Бог любит всю свою паству одинаково, и поднимаю взгляд к небесам.

– Уже пять лет, как она стала... рассеянной.

Я молчу о том, что в последнее время маме совсем худо, а после прошлого полнолуния она даже меня не узнает.

– Ее нужно поместить в психиатрическую лечебницу, Энн, – говорит викарий. – В Барминг-Хит недавно открылась новая.

– Я буду привязывать ее покрепче, – обещаю я, избегая его взгляда.

У меня горят щеки. Интересно, он сам нашел маму или кто-то привел ее к нему, вместо того чтобы отвести домой? Или она заявила в таком виде в церковь? Как представлю, что она сидит в церкви голая или в своем потрепанном белье, безумная, ничего не соображающая, все внутри сжимается.

– Что вы сегодня ели, Энн?

Викарий смотрит на Септимуса, который растянулся у очага, приоткрыв один слезящийся глаз. Во взгляде мистера Торпа читается настороженность, точно он думает, что мы можем съесть нашего несчастного тощего пса.

– Мы питаемся не хуже, чем кормили бы маму в богадельне или в лечебнице.

Я усаживаю ее на пол и ослабляю узлы на простыне, надеясь, что она не начнет брыкаться. Мне до смерти хочется, чтобы викарий ушел, но он продолжает допытываться, так что приходится отвечать.

– Мы съели по куску хлеба с топленным жиром и по луковице, – отвечаю наконец я, уточняя, что хлеб был сухой, как пекарская метла, а лук выпустил стрелы длиной с мою руку.

– И похлебку из репы, – придумываю я на ходу.

– Твою мать могут принять в лечебницу бесплатно, о ней там будут хорошо заботиться. А отцу я могу дать работу – ухаживать за церковным кладбищем.

Я удивленно замираю. Понятно, почему он хочет избавиться от моей мамы, но найти работу для папы... Этот человек – не иначе, как святой. И трех лет не прошло, как он нашел работу в Лондоне для моего брата Джека – жарить мясо на кухне джентльменского клуба. Я напоминаю, что у папы только одна нога – вторую он потерял, сражаясь за короля и свою страну.

– Знаю, знаю, – отвечает он, отмахиваясь от меня, точно от лишайной дворняги. – Господу неуютно, чтобы твоя мать бегала по округе в голом виде. Это нехорошо для... для...

Он останавливается и прищуривает глаза.

– Для морального состояния прихожан.

Интересно, ему это сообщил сам Господь? Пожаловался на мамино безумие? Или рассказал о позавчерашнем вечере, когда папа схватил маму за шею и сжал изо всех сил, точно рождественского гуся? От папы разлило пивом, и он был сильно не в духе. К счастью, от пива мой бедный одноногий папа так ослабел, что повалился на пол и завыл:

– Она ничего не соображает, Энн. Даже меня не помнит... И себя не помнит. Не человек она больше.

Тем временем мама лежала на матрасе, растянув губы в беззубой ухмылке, не понимая, что ее только чудом не задушил собственный муж.

Его преподобие начинает пятиться к двери, отводя взгляд от моей несчастной матери, ползающей по полу. Сквозь редкие, тусклые волосенки просвечивает желтый, как пергамент, череп. Я укладываю ее на тюфяк и сгибаю костлявые члены, придавая позу кошки. Сбившаяся простыня завязана большими узлами на плечах, коленях и бедрах, и мама больше похожа на кучу грязного белья, чем на человеческое существо. В это мгновение я понимаю, что никто, кроме меня, не сможет за ней присматривать, только я могу ее успокоить.

– Я буду ее одевать, – обещаю я. – И научусь завязывать крепкий морской узел.

Викарий останавливается и очень внимательно оглядывает комнату. Он поднимает взгляд к полке, где когда-то лежали мамины книги: молитвенник, кулинарная книга «Готовим просто и вкусно», «Немецкие сказки» в рубиново-красном переплете. Теперь там пусто. Я жду, когда он спросит, почему у нас нет молитвенника. И Библии. Вместо этого он говорит такое, что я теряю дар речи.

– Ты умная девушка, Энн, сметливая, – говорит он. – Ты могла бы стать прислугой. Или нянькой. Тебе бы этого хотелось?

Я моргаю, как дурочка.

– Это правда, что мать научила тебя грамоте?

Я киваю, и он продолжает:

– Если ты скрупулезно честна и будешь очень стараться, то можешь стать горничной. Я вижу, ты не чурась тяжелого труда.

Я не успеваю прикусить язык и выдаю свое заветное желание. Эти слова крутятся у меня в голове каждый вечер, точно развевающиеся на ветру ленточки.

– Я мечтаю стать кухаркой, – выпаливаю я.

Немедленно пожалев о своих словах, я, однако, не могу забрать их назад, а потому делаю вид, что страшно занята вытаскиванием веточки, запутавшейся в маминых волосах.

Преподобный Торп кашляет, не хриплым булькающим кашлем, как папа, а точно у него в горле хлебная крошка застряла.

– Ого, куда ты замахнулась, – говорит наконец он. – Разве что, может, в небольшой семье. Если начнешь с буфетной прислуги. Сколько тебе лет, Энн?

– На Михайлов день исполнится семнадцать.

Я стараюсь говорить твердо и уверенно, хотя думаю совсем о другом. Перед глазами проплывают пироги с румяной корочкой, влажные маслянистые пудинги, тушки птиц на вертелах, корзины со свежими овощами, толстые бочонки со сладким изюмом, палочки корицы длиной с мою ладонь и прочая снедь, о которой рассказывал Джек.

– Ты старовата для услужения, но я поищу для тебя место, – говорит викарий. – Все в этом Божьем мире должны нести свою ношу.

Мне впору обидеться – это я-то не несу свою ношу? Да только я слушаю его вполуха: воображение унесло меня на кухню. Я шинкую зелень, нарезаю овощи, мешаю бульон, насаживаю на вертела поросят и срезаю жир с почек. Как Джек в Лондоне. Он говорит, что я не могу даже представить, сколько там еды. Кастрюли величиной с молочный бидон, гигантские голландские печи, кладовые размером с целый дом, ступки больше моей головы. У меня урчит в животе – так громко, что я хватаюсь за бок, боясь, что священник сочтет меня слишком неотесанной для работы на частной кухне.

Он пригибается, чтобы пройти в низкую дверь, рассчитанную на осла, а не на человека.

– Значит, решено. Твою мать будут кормить, за ней присмотрят, а вы с отцом сможете зарабатывать на жизнь.

У меня тревожно сжимается сердце. Выходит, я смогу стать кухаркой, только если мою маму запрут в сумасшедшем доме? Неужели я на такое согласилась?

Глава 3

Элиза

Оксфордский пунш

Экипаж качается и подпрыгивает на ухабах, а я пытаюсь отвлечься от грустных мыслей, глядя на алые маки вдоль дороги и гигантские стога сена – растрепанные, сверкающие в лучах заходящего солнца. Над пыльными полями взлетают черными клочьями стаи ворон. Но вся эта красота лишь усиливает мои страдания. В другое время я бы восторженно подбирала самые точные, полные слова, чтобы описать восхитительный пейзаж, а сегодня он лишь берedit душу. Кроме того, из головы не выходят мысли о домочадцах, которые ждут новостей о моей встрече с прославленным мистером Лонгманом. Всю дорогу в ушах звучат его слова: «Поэзия – не женское дело... Стихи теперь никому не нужны...» И наконец, последнее унижительное требование: «Идите домой и напишите мне кулинарную книгу, и мы сможем прийти к соглашению». Что за глупость! Я не собираюсь никому этого рассказывать. Ни единой живой душе.

По мере приближения к Ипсвичу меня все сильнее охватывают стыд и чувство поражения. На потемневшем небе вспыхивают россыпи крошечных серебряных звездочек. Когда из мрака вырастает наш дом – в окнах мерцают свечи, в стекла бьются белые мотыльки, мне хочется только одного: исчезнуть.

Распахивается входная дверь, на крыльцо выливаются неяркий свет, голоса и бравурные звуки рояля.

– Элиза! Она вернулась!

Музыка умолкает. Появляются свечи, дрожащие в ночном воздухе, а за ними – нетерпеливые лица Кэтрин, Эдгара и Анны. Встречать меня вышла даже горничная, Хэтти.

– Это ты, Элиза? – шурится в темноту мама. – Мы тебя заждались. Скорей, скорей! Не то все саффолкские мотыльки сошьют себе гнезда в моих новых шторах.

Не успеваю я ступить на землю, как начинаются расспросы.

– Что сказал мистер Лонгман, Элиза? Пожалуйста, отвечай! – умоляет Кэтрин. Расскажи нам все-все, с самого начала.

– Нет, с самого начала не надо, – вмешивается Эдгар. – Не то мы здесь всю ночь простоим. Переходи к самому главному – что сказал мистер Лонгман?

Меня пронзает острая боль под ребрами. Разочарование родных еще хуже, чем мое собственное. «Я же говорила», – скажет мама, в душе радуясь моей неудаче. А брат, сестры и отец страшно расстроятся.

– Ах, Эдгар, да что ж тебе не терпится? Анна, попроси кухарку принести чашу лучшего оксфордского пунша, да скажи, пусть поторапливается. Джон все еще не вернулся, и я страшно беспокоюсь, – взволнованно заламывает руки мама. – Он обещал вернуться до твоего приезда.

Я облегченно вздыхаю. Больше всего я боюсь рассказывать о своей неудаче отцу. Он всегда в меня верил и поддерживал мои начинания. Это он дал мне денег, когда я решила открыть школу для юных леди. И он же предоставил средства на мою первую книгу стихов, да еще настоял, чтобы бумага и переплет были самого лучшего качества.

– Наверное, засиделся за бумагами или засунул куда-нибудь ключи, – бодрым голосом произношу я, пряча нотки облегчения.

– Что сказал мистер Лонгман? – донимает меня Эдгар, расправляя фалды сюртука и опускаясь в кресло. – Держу пари, он нашел, что твои стихи бесконечно превосходят поэзию этого мошеника лорда Байрона.

Он со смешком оглаживает сюртук.

– Мы выпьем за тебя, как только подадут пунш.

– Пожалуйста, не надо пунша, – прерывающимся шепотом говорю я. – Нечего праздновать.

Я смотрю на свои башмачки, испачканные лондонской пылью, на потемневшие жемчужные пуговицы. Какие найти слова, чтобы смягчить разочарование моих родных?

– Издателей больше не интересует поэзия, – говорю наконец я.

– Чепуха! – Эдгар усаживается поглубже в кресло. – Это из-за твоего упрямого решения использовать свое настоящее имя?

– Ты сказала ему о своей первой книге, что ее пришлось допечатывать меньше месяца спустя? – осторожно интересуется Кэтрин.

– Мистер Лонгман не предлагал мне издаваться под псевдонимом. Он просто отказался принять мои стихи.

Я тереблю пальцами нитку жемчуга на шее. У меня перехватывает горло.

– Мне очень жаль.

– Ну что ж, – надувает щеки мама. – Я всегда считала твои стихи чересчур откровенными, если уж на то пошло, даже нескромными. Очевидно, мистер Лонгман отверг их по той же причине.

Я стискиваю зубы. Опускаю взгляд и вижу побелевшие соленые круги под мышками, чувствую лондонский смрад на платье и на коже.

– Он сказал, что поэзия теперь никого не интересует. Людям нужны романы, желательно в готическом стиле.

– А разве ты не можешь написать что-нибудь такое, милая Элиза? – спрашивает Кэтрин.

– Глупости это все. Ты не нуждаешься в деньгах. Ты писала стихи просто... просто...

Голос Эдгара прерывается, точно он не совсем уверен, зачем я писала стихи.

– Ты слишком обнажила свою душу в предыдущей книге, – добавляет мать. – Из-за нескромности этих стихов кое-кто из соседей начал поглядывать на меня с нездоровым любопытством. Тебе не стоило публиковать их под своим... под нашим именем, моя дорогая. Они слишком откровенны.

– Значит, господам Китсу⁴ и Вордсворту⁵ можно открывать свои чувства, а мне – нет. Ты это хочешь сказать?

– По-моему, мама просто спросила, не можешь ли ты строчить свои вирши для себя, – успокаивает меня Эдгар. – Ведь настоящей поэзии не нужна публика, правда?

Я отчаянно пытаюсь найти слова, объясняющие, зачем мне публика, почему для меня важно видеть под этими «виршами» свое имя. Именно это позволяет мне чувствовать себя частью огромного, необъятного мира, где я связана с другими, мира, где я чего-то стою. Разве можно этого достичь, если писать для себя, оставаясь незаметной, безымянной?

Мать склоняет голову набок и кивает.

– В твоем стремлении во что бы то ни стало опубликовать свои стихи есть какая-то претенциозность... Для женщины это даже... безнравственно.

Я замираю. В глазах закипают слезы. В памяти всплывают слова мистера Лонгмана. «Поэзия – не женское дело...» Но мамино упоминание о безнравственности – это уже чересчур. Я сердито смотрю на нее, однако она благочестиво возводит очи к небесам.

Анна – милая, добрая Анна – тянется к моей руке.

– Не отчаивайся, Элиза. Есть другие издатели.

Я благодарно киваю, потеряв дар речи. Слова матери и Эдгара накладываются на высказывания мистера Лонгмана. У меня сжимается сердце. За охватившим меня гневом, за оправданиями в необходимости публики маячат мои вечные сомнения. Самозванка. Самозванка.

⁴ Джон Китс (1795–1821) – поэт младшего поколения английских романтиков.

⁵ Уильям Вордсворт (1770–1850) – английский поэт-романтик.

И еще что-то, туманное и неопределенное. Чувство потери. Оно просачивается сквозь злость, досаду и неуверенность в себе. Кто я теперь? Жалкая старая дева из Саффолка, опубликовавшая под своим именем всего одну тоненькую книжку...

Я вижу в серебряной чаше для пунша свое отражение: тронутая сединой копна темных волос, паутинка морщин вокруг глаз, складки в углах губ. Мне тридцать шесть. И я никто.

Пробормотав извинения, я говорю, что устала от поездки, и почти бегу к лестнице, чтобы как можно скорее оказаться у себя в комнате, побыть одной. Хочется спрятать голову под подушку и обо всем забыть. Я зажигаю свечу и ложусь на кровать, подумав, что неплохо бы принять стаканчик пунша для восстановления сил. Из-под двери просачивается пряный аромат специй и портвейна, обволакивая меня мягким шерстяным пледом. Да, пожалуй, стаканчик пунша помог бы уснуть, забыть о том, что сказали мои родные. А вот обидные слова мистера Лонгмана я забыть не в силах, они навсегда врезались в память. Будь я мужчиной, он не выгнал бы меня за порог с насмешливым требованием написать поваренную книгу. Он говорил со мной, точно с прислугой. Как будто мне нельзя поручить даже написание романа. Или учебника по ботанике, или какого-нибудь справочника чешуекрылых.

Пытаясь успокоиться, я втягиваю носом пропитанный специями воздух, как вдруг мои мысли разбегаются в разные стороны. Снизу доносится долгий, протяжный вопль, напоминающий пронзительный крик амбарной совы. Дом наполняется громкими голосами, хлопанием дверей, сквозняками, гуляющими по коридорам и лестницам, точно ему под кожу проник огонь.

Моментально забыв о мистере Лонгмане, поэзии и своей неудаче, я хватаю свечу, выбегаю на площадку и наклоняюсь над перилами. Широкий луч света от лампы освещает всю мою семью, толпящуюся в холле. Что за переполох! Отец вернулся и взволнованно кружит по коридору. Анна и Кэтрин рыдают, Эдгар что-то кричит, мать закрыла лицо руками, а Хэтти глазееет на все это с открытым ртом.

Вверх по лестнице грохочут сапоги. Это отец. Его белые волосы торчат во все стороны, развязанный галстук болтается на шее, глаза под стеклами очков в металлической оправе горят лихорадочным блеском.

– Что такое? – с испугом и недоумением спрашиваю я.

– Нам конец, Элиза! Конец!

Отец разворачивается и бежит вниз по лестнице в гостиную, а я потрясенно слеую за ним по пятам. Заметив чашу с пуншем, на поверхности которого образовался светлый налет, он устремляется к ней. Хватает серебряный черпак и пьет прямо из него, так что пунш затекает за воротник.

– Мы все потеряли.

Он трясущейся рукой набирает еще один половник. Багровая жидкость течет по шее, пачкая сорочку, галстук, лацканы сюртука.

– Как?

Я смотрю на отца, надеясь, что он ошибся, выпил лишнего или бредит. «Ипсвич джорнел» каждую неделю публикует список дюжины банкротов, а то и больше, но с моим папой не может случиться ничего подобного. Он джентльмен, бакалавр юриспруденции, окончивший колледж Святого Иоанна в Кембридже.

– Я не виноват, Элиза. Мне завысили арендную плату за «Золотого льва» и «Королевскую голову». Очень сильно. А довершила дело кража восьми бушелей угля. У меня не было выбора: пришлось занимать под проценты.

Отец плюхает половник в чашу и вновь поднимает к губам.

– У кого? Мы не можем им заплатить?

Я потрясенно смотрю на отца и вижу перед собой незнакомца.

– Долги слишком велики... Меня объявят банкротом, посадят в тюрьму с обычными преступниками. Нам конец, Элиза!

Не успеваю я протянуть руку, чтобы отобрать у него половник, как в гостиную врывается Кэтрин.

– Элиза, скорей! Мама упала в обморок. Господи, что делать?

Глава 4

Энн

Овсяная каша с медом

Копаясь в крошечном огороде, я размышляю над словами викария. Мама привязана ко мне трехъярдовой веревкой. Мы пропалываем сорняки, вскапываем землю и пытаемся посадить несколько луковиц. Я говорю «мы», а на самом деле мне приходится постоянно уговаривать и упрашивать ее. «Мам, не становись на колени! Не тяни, пожалуйста! Перестань ныть!» Целый божий день.

В данный момент она грызет веревку сохранившимися четырьмя зубами, да и те так шатаются, что, боюсь, долго не протянут. Пытаясь вытащить у нее изо рта веревку, я замечаю на языке серый налет и принимаю к ее дыханию. Изо рта и от десен несет болезнью, а денег на врача нет. Все, что прислал Джек, ушло на папины новые костыли, которые должны быть сделаны из самого крепкого дерева. Викарий сказал, что папа сможет работать на церковном кладбище, только если у него будут самые лучшие костыли.

– Мам, посиди спокойно, а?

Всякий раз, когда она натягивает веревку, та впивается мне в руку. Мама замахивается на меня костлявой рукой, я моргаю и уже хочу попросить помощи у папы – тот уснул на тюфяке, как вдруг слышу за воротами знакомое пение. У меня екает сердце. Я узнаю этот голос из тысячи, всегда такой жизнерадостный и веселый. Еще минута – и брат врывается в калитку, довольный, как кот после сметаны.

– Кто там, Энн? – в панике вращает глазами мама.

Я так рада видеть Джека, что бросаюсь к нему, забыв о веревке. Мама, которую я тащу за собой, вонзает когти мне в спину.

– Ради бога, – говорит Джек, которого при виде нас внезапно покидает его всегдашний задор. – Что это за веревка?

Я отвязываю маму и обматываю ее запястья, чтобы она перестала царапаться. И рассказываю Джеку, как ей стало хуже, она начала убегать, раздеваться до исподнего, никого не узнает. К концу этой печальной истории по моему лицу текут слезы, и я задыхаюсь от рыданий.

– Мам! – Джек переводит взгляд на мать, присевшую на корточки в грязи. – Я вернулся из Лондона, привез вам с папой пару монет. Два дня шел пешком с гуртовщиком и его козами, только чтобы... мам!

Она смотрит на него, в глазах плещется ужас.

– Я тебя не знаю, – говорит она и пытается освободиться от веревок.

Когда ничего не получается, она вскакивает и бежит к воротам. Я тяну ее назад и прижимаю к себе, плача и глядя по голове, пока она не замирает. Худая, кожа да кости, и пахнет совсем не так, как должна пахнуть мама. Внезапно я понимаю, что мы полностью поменялись ролями.

– Послушай, Энн, – трясет головой Джек, – зачем ты ее привязываешь, точно осла?

Я тру глаза грязным кулаком.

– Викарий хочет отправить ее в сумасшедший дом, – шепчу наконец я. – Ему не нравится, что она бродит раздетая. Он говорит, что это плохо сказывается на моральном состоянии его прихожан. Поэтому мне приходится ее привязывать.

– С каких это пор церковников заботит мораль? – презрительно фыркает Джек.

– Тише, – говорю я. – Он богобоязненный человек, и у него добрые намерения, так сказал папа.

– Бога можно найти только в одном месте, и уж точно не в церкви и не у викария.

– А где? – Я поднимаюсь вместе с мамой, и Джек помогает нам зайти в дом.

– В корочке хлеба, – без тени улыбки отвечает он. – А еще вернее – в хорошей еде. Я лично сильнее всего ощущаю его присутствие после доброго сытного ужина.

Я теряюсь от его ответа – голос Джека полон сарказма. Разве мама не учила нас верить в Господа? Я уже хочу объяснить брату, что он ошибается, что мне становится легче, если посидеть тихонько в церкви с резными ангелами и запахом горящих свечей, но у меня вдруг пропадает всякое желание думать об этом. Мама сидит тихо, как мышка.

– Расскажи, как ты там работаешь, в Лондоне, – прошу я Джека.

Брат в моем распоряжении, пока не проснется папа, не начнет ныть мама или не залает Септимус, и я не хочу терять время на разговоры о Боге, о церкви или о чем-то таком.

– Меня поставили на жарку, я снимаю шкуры и перевязываю тушки, – говорит Джек. – У нас там две плиты величиной с этот тюфяк, с такими огромными вертелами, что хоть целого барана жарь.

– Целого барана...

Мое воображение рисует нежного жареного барашка, благоухающего древесным дымом и лесными травами. У меня текут слюнки. Я ставлю на таганок, где едва дышит огонь, железную кастрюлю с овсянкой и водой.

– Расскажи, что вы там готовите.

– Ну, на прошлой неделе джентльмен вернул суфле, и хозяин разрешил нам его попробовать.

– А что такое суфле? – мечтательно выдыхаю я.

Слово звучит легко и нежно, точно летний ветерок: су-уф-фле-е.

– Взбиваешь яйца до воздушности. И делаешь жидкое тесто из сливок и масла, свежайшего, нарезанного на мелкие кусочки. Потом нужно его ароматизировать. Шеф Соьер любит использовать итальянский сыр, а то еще добавит изысканный горький шоколад. И ставишь в духовку. Оно так вырастет, глазам не поверишь. А когда откусываешь, у тебя точно облако на языке.

Джек причмокивает. Я рассеянно помешиваю кашу. Хоть бы горсточку изюма, чтобы ее подсластить. При мысли об изюме перед глазами проплывают всевозможные сухофрукты, что я видела на рынке в Тонбридже. Огромные горы изюма, блестящего чернослива, апельсиновые цукаты с белой корочкой сахарного сиропа, колечки яблок, точно вырезанные из тончайшей светлой кожи.

– У нас есть кладовая для дичи. Бекасы, вальдшнепы, фазаны, рябчики, цесарки... И специальное помещение для мяса, где хранятся целые окорока – говяжки, олени. И молочные поросята, и бараны целиком. А на плите могут кипеть одновременно девять кастрюль.

Джек умолкает и возводит глаза к облупившемуся потолку, в пятнах и трещинах.

– Эх, видела бы ты шефа Соьера! В красном берете, а бриллиант в кольце – не меньше желудка. Хоть каким горячим будет суп – он все равно окунет туда палец, прямо с бриллиантом, и попробует. Да как начнет трясти туда то одно, то другое: еще соли, побольше душистого перца и кайенского. Пока не доведет до совершенства.

– Какая роскошь, – бормочу я, размышляя обо всем этом великолепии и представляя себе волшебную сказку, кукольный спектакль, который разыгрывается ежедневно на глазах у моего брата.

Приятно, должно быть, никогда не испытывать дикого голода, как мы с родителями, когда заканчиваются еда и деньги. И находиться в комнате, где всегда тепло.

– Девчонок у нас хватает. И все они красотки. Хозяин говорит, что не хочет у себя на кухне помощниц из простых.

Брат тычет кочергой в догорающие угли и зевает. Я скребу ложкой по доньшку железного котелка, делая вид, что страшно занята кашей. Джек будто хлопнул тяжелой дверью у меня

перед носом. Я-то – из простых. А сколько долгих месяцев я лелеяла свою крошечную мечту работать вместе с братом! Каждую ночь ложилась спать, думая о мастере Сойере в его бело-снежной кухне и представляя себя рядом с ним – я взбиваю, нарезаю, смешиваю, пробую. Так мне и надо. Мечты должны оставаться мечтами. Я с удвоенной яростью мешаю студенистую серую массу. Мама уснула, свернувшись калачиком на тюфяке рядом с папой. Мирно, как кошка с котом.

– Расскажи еще, – писклявым от закипающих слез голосом прошу я.

Джек щурит глаза и пристально смотрит на меня, затем кивает и начинает описывать восхитительные блюда, что проплывали у него перед носом по дороге из кухни в обеденный зал. Голуби, завернутые в виноградные листья. Устрицы в хрустящих конвертиках из теста. Целый глостерский лосось в желе. Ярмутские лобстеры в вине и травах. Глазированные тарты с румяными яблоками пепин. Тончайшие слои маслянистого теста, покрытые сливами, абрикосами, персиками, вишнями, подающиеся с огромными глыбами золотистых сливок.

– Ну, – говорю я, – у нас сегодня только каша, со щепоткой соли и перца.

В ответ на мои слова Джек достает из кармана небольшой бумажный сверток и разворачивает его. Мне в нос ударяет пряный аромат верескового меда.

– Это тебе, Энн.

На его запыленной ладони лежит истекающий медом кусочек пчелиных сот величиной с куриное яйцо.

Я восторженно хлопаю в ладоши, мой язык дрожит от нетерпения. Когда мы едим кашу, я стараюсь растянуть удовольствие, катая вязкие шарики воска по нёбу, прижимая к зубам, высасывая из них всю сладость, пока они не проскальзывают внутрь. Опустошив миску и избавившись от кусочков сот на зубах, я рассказываю Джеку, что викарий хочет найти мне место и считает меня сметливой и умной.

– А если мама не захочет идти в психушку? – спрашивает Джек.

Я молчу. Не могу же я рассказать ему о том, что папа ее чуть не задушил, когда я оставила их одних на какой-то час. Джек ставит свою миску на пол, чтобы Септимус вылизал остатки.

– А кем бы ты хотела стать, Энн?

– Я хочу быть... – Я замолкаю, а потом у меня вырывается:

– Кухаркой.

– Кухаркой? – Он сгибается от смеха пополам, у него из глаз текут слезы.

– Да, – обиженно отвечаю я. – Простой кухаркой.

Джек указывает на свою пустую миску и вновь начинает хохотать. Затем вытирает глаза, извиняется и говорит, что даже его, проработавшего на кухне три года, лишь недавно повысили до поворачивания вертелов. Я могла бы напомнить брату, что умею читать и писать, а он – нет. Что у меня есть мечта. И надежда. Но я прикусываю язык. Что толку?

Я невольно перевожу взгляд на полку, где стояли когда-то мамины книги. И в этот момент понимаю, до чего я одинока. Меня охватывает странное чувство потерянности. Как будто я стою на самом краю Земли. Одна-одинешенька.

Глава 5

Элиза

Пудинг из черного хлеба

Я снимаю с полок книги, одну за другой, останавливаясь, чтобы погладить особенно красивый корешок или переплет тисненой итальянской кожи. Вордсворт, Китс, Шелли⁶, Кольридж⁷ – каждый том, бережно завернутый в кусок старой газеты, отправляется в чайный сундучок. Я медлю перед верхней полкой: избранные сочинения Энн Кэндлер, семь томов миссис Хеманс⁸ и три – Летиции Лэндон. Я то и дело перелистываю страницы, смакуя знакомые строчки и чувствуя, как за спиной вырастают крылья.

Упаковав свою маленькую библиотеку, я достаю из-под матраса последний томик – тонкий, изящный, переплетенный в сапфирово-голубой шелк, – и присаживаюсь на край кровати. «Стихотворения Элизы Актон». Книжечка совсем тоненькая и хлипкая. Я провожу пальцем по корешку и подношу ее к носу, вдыхая пыльный аромат сухих страниц. Открыв книгу, я испытываю то же удовлетворение, что в самый первый раз. Помню, как потрясла меня упорядоченность напечатанных слов, преобразившая ученическую сентиментальность моей поэзии, придавшая ей большую ясность, вес и значительность, отделившая мои стихи от меня, перерезав пуповину. Меня вновь посещает то же приятное чувство. Но когда я смотрю более пристально, внутри что-то сжимается...

Лишь одного тебя всегда любила, прощай же навсегда!

Какими детскими, незрелыми кажутся по прошествии времени эти строки. Вероятно, мать права. Они слишком эмоциональны, чувства переливаются через край. Теперь, десять лет спустя, я это понимаю. Мои новые стихи лучше, в них больше мастерства, зрелости. И тем не менее мистер Лонгман... Я вновь вспоминаю встречу с издателем в его душном кабинете. Пухлые пальцы, унизанные перстнями, нетерпеливо похлопывают по карманам сюртука, гулко тикают золотые карманные часы, а между нами Великой Китайской стеной пролегает отполированная поверхность стола. Он так и не вернул мне стихи. Несомненно, он их потерял. Мои стихи погребены под лавиной рукописей – биографий, научных трудов, поэзии, готических романов, что протягивают ему вспотевшими от волнения руками полные надежд писатели со всех концов Англии.

Я опускаю книгу в сундучок и оглядываю спальню: пустая каминная решетка, снятые с крючков и сложенные аккуратными стопками дамасские шторы, к умывальнику красного дерева прислонен скрученный в рулон турецкий ковер. Мы берем с собой только самое необходимое: кровати и постельное белье, два высоких комода, кухонный стол из вяза и обеденный красного дерева с такими же стульями. Остальное будет продано с молотка: эстампы и картины, хрусталь, серебряные блюда, пуховые перины, настенные часы, ковры и книги. Все, кроме моей маленькой библиотеки, которую я отвоевала, предложив взамен свои ювелирные украшения. К нескрываемому удивлению сестер, до глубины души пораженных тем, что я предпочла книги тройной нитке жемчуга, золотым серьгам с бриллиантами и броши с аметистами и розовым кварцем.

– Элиза! Элиза! – раздается откуда-то снизу голос матери.

⁶ Перси Биши Шелли (1792–1822) – английский писатель, поэт и эссеист.

⁷ Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) – английский поэт-романтик, критик и философ.

⁸ Фелиция Доротея Хеманс (1793–1835) – английская поэтесса.

Я закрываю крышку сундука и пробираюсь на первый этаж. В доме все перевернуто вверх дном: мебель сдвинута с мест, ковры скручены, портреты и карты без рам, гардины сняты, фарфор, книги, зеркала, разные красивые вещи из моего прошлого завернуты и упакованы. Все это будет теперь украшать дома других людей. Мы переезжаем в новое съемное жилье, когда стемнеет, чтобы никто не видел. Как воры в ночи.

Появляется мама, ее пальцы бессознательно теребят агатовый крестик на шее.

– Кухарка вся на нервах. Ступай на кухню, Элиза.

Она отворачивается и начинает объяснять что-то пареньку, стоящему без дела в коридоре.

– На кухню?

Я не помню, когда в последний раз туда спускалась. Кухня, кладовые и буфетная – владения миссис Дарем. Наша кухарка не любит гостей. Та, что была до нее, проявляла куда больше дружелюбия. В детстве она позволяла мне вырезать дубовые листочки для украшения пирогов и даже месить тесто. А миссис Дарем решительно негостеприимна. Теперь лестницей черного хода могут пользоваться только мать и Хэтти. Или отец, если захочет проверить содержимое винного погреба. Только вино уже продали с аукциона, а отец бежал во Францию.

Кухарка сидит за столом, заставленным стеклянными банками, жестянками с солью, сахарными головами, корзинами с яйцами и луком, а в ногах у нее – мешки: мука, каштаны, хмель.

– Куда теперь это все, мисс Элиза?

У нее красные глаза и мокрое от слез лицо.

– Как снег на голову, мисс Элиза. Мы ж сперва увидели объявление в «Ипсвич джорнел», а после нам хозяйка сказала.

Она достает из кармана обтрепавшийся по краям платок и шумно сморкается.

– Вы ведь едете с нами в Тонбридж. Нам нужна будет хорошая повариха для нашего... пансиона.

Произнеся это слово, непривычное для моего языка, я морщусь. Пансион. Пансион. Мне не нравится ни ощущение в горле, ни звучание. Я мотаю головой, но слово остается висеть в воздухе, точно несозревшее яблоко цепляется за ветку, качающуюся на ветру.

– Мы берем с собой только вас и Хэтти, – добавляю я, не зная, что сказала им мать. – Остальную прислугу найдем в Тонбридже.

Если сможем себе это позволить, что маловероятно.

Кухарка кивает и вновь прочищает нос.

– Что мне упаковывать? Я не получила никаких указаний. Формы для желе? Хрустальные чаши для омовения пальцев? И что со специями? Они стоят целое состояние.

Она взмахивает дрожащей рукой над столом, где выстроились жестянки, банки и керамические горшочки. Внезапно на них попадает скупой луч северного солнца, и они вспыхивают, переливаясь всеми цветами радуги: пузатые баночки с маринованным зеленым перцем и каперсами, блестящие стручки ванили, рыжие палочки корицы, все блестит и сверкает в бледном свете. Меня поражает их внезапная ошеломляющая красота, богатство оттенков – охра, терракота, оттенки земли, песка и травы. Все мысли о пансионе улетучиваются из головы.

Я тянусь рукой к склянке, поднимаю пробковую крышечку. Пахнет древесной корой, землей, кореньями, небом.

– Таинственный аромат волшебного королевства, – шепчу я.

Внутри – обычные, ничем не примечательные коричневые шарики. Удивительно, что эти простые горошинки обладают таким восхитительным ароматом.

– Ах, мисс Элиза, вы такая поэтесса! Это всего лишь ямайский перец.

Кухарка вымученно улыбается и указывает на потолок, где висят на перекладине с крючками длинные связки трав. Розмарин, шалфей, крапива, пижма, ясменник.

– А с этим что делать? Я их все лето собирала, и они еще не высохли как следует.

– Можно опустить?

Не дожидаясь ответа, я опускаю перекладину, пока сушеные травы не оказываются прямо передо мной, и ощущаю душистую сладость луговой зелени, густой древесный запах, отдающий переспелыми яблоками, прелой землей и зарослями папоротника. Неожиданно, на короткий миг, меня отбрасывает назад во времени... кожу царапают сосновые иголки, сквозь кроны деревьев пробивается свет, в ушах звучат нежные слова. Я поспешно возвращаю перекладину на место.

– Вы знаете кого-нибудь, кому пригодятся эти травы, миссис Дарем?

Ее лицо светлеет.

– Я что-нибудь придумаю, мисс Элиза. Еще хозяйка говорит, что все книги придется продать, только ведь не мои рецепты же?

– У нас есть кулинарные книги?

– Несколько штук.

Она неуклюже бредет в буфетную и возвращается со стопкой книг под мышкой.

– Вот эта и вовсе на французском языке, по-моему, вы привезли ее из своих путешествий, мисс Элиза.

Я беру в руки потрепанный томик с масляными пятнами на кожаном переплете. *Le Cuisinier Royal* – напечатано на коричневом корешке. Меня передергивает от нового неприятного воспоминания. Я бросаю «Королевского повара» и начинаю листать другую: «Новая система приготовления домашней еды от леди». Останавливаюсь на рецепте маринованных устриц и недовольно хмурю брови. Какой у этой «леди» убогий, беспорядочный язык! Ничего не поймешь. Ее описание не вызывает в воображении свежую устрицу – острую, пахнущую морем, выловленную в каменистой заводи на рассвете.

– Послушайте, миссис Дарем, вам понятны эти рецепты?

– Сказать по правде, мисс Элиза, ничего в них не разберу. Я не сильна в чтении.

Я перечитываю другой рецепт. Грамотность хромает, рецепт совершенно не вдохновляет на воплощение, описание расплывчато и невразумительно.

– Если я прочту вслух, вы сможете мне объяснить, что хотела сказать эта добрая женщина?

– А зачем вам? – Она бросает на меня взгляд из-под полуопущенных ресниц.

– Я не понимаю – возможно, из-за того, что у меня нет опыта в кулинарном искусстве. В отличие от вас, миссис Дарем. Вы так прекрасно готовите, что мы просто не представляем, как без вас обойтись.

Она польщенно кивает.

– Я обычно стряпаю по своим рецептам, которые собрала за долгие годы работы.

Я начинаю читать:

– «Пудинг из черного хлеба. Полфунта черствого черного хлеба, измельчить. Столько же изюму, столько же нарезанного нутряного сала, сахару и мускатного ореха. Смешать с четырьмя яйцами, полной ложкой бренди и двумя ложками сливок. Варить пудинг в салфетке либо в миске, которая полностью его покрывает, три или четыре часа».

Меня охватывает раздражение. Если бы кто-то написал столь неточные и невразумительные стихи, как этот рецепт, его бы подняли на смех.

– Она ведь не хочет сказать, что туда надо положить полфунта мускатного ореха? И полная ложка – это сколько? Откуда нам знать, имеет она в виду черпак или ложечку для соли?

Миссис Дарем втягивает щеки и закатывает глаза.

– Мой рецепт лучше будет, – говорит она. – Натереть полфунта мускатного ореха – с ума сойдешь, да и стоит он целое состояние. И здесь не говорится, что изюм надо помыть и очистить от хвостиков.

Она неодобрительно цокает языком:

– И что значит три или четыре часа?

– Подумайте, какая расточительность, мисс Элиза. Это ж сколько лишних дров сгорит, если пудинг положено варить три часа, а его продержат на огне четыре! – кудахчет она, качая головой. – Никуда не годные рецепты, а ведь эта книга есть на каждой кухне, где я работала.

Я в третий раз проглядываю рецепт. Меня что-то гложет. Не просто очевидный перерасход ресурсов и раздражающие неточности. Я мысленно перебираю ингредиенты: хлеб, изюм, свиной жир, сахар, мускатный орех, яйца, бренди, сливки.

– Каким вы представляете этот пудинг на вкус, миссис Дарем?

Я закрываю книгу и машинально засовываю под мышку.

– Будь моя воля, я бы добавила другие ингредиенты. Соль, чтобы усилить вкус. Буквально щепотку. И немного цукатов. И чуточку свежего лимонного сока в жир.

– Очень хорошо, миссис Дарем, – мягко произношу я.

Разумеется, она права. Рецепт этой загадочной леди ужасен. Бестолково написан, неточен и неряшлив.

От моего комплимента кухарка расцветает и начинает суетиться по кухне, снимая с вешалки травы и связывая их бечевкой.

– Берите все, что хотите, – разрешаю я.

Мне не терпится улизнуть вместе с поваренной книгой. В ушах звучат слова мистера Лонгмана: «Идите домой и напишите мне кулинарную книгу, и мы сможем прийти к соглашению, мисс Актон». Не слишком ли я поторопилась?

– А это? – кивает на стопку книг кухарка. – Мне они без надобности.

– Я их заберу, – отвечаю я и поспешно уношу книги в свою комнату. К моему облегчению, крышка сундука еще не заколочена. Я складываю туда книги, прикрываю сложенной шалью и спускаюсь на поле битвы.

Глава 6

Энн

Миска похлебки с марантой

Месяц спустя, когда я прихожу на воскресную службу, викарий смотрит в мою сторону и кивком указывает на ризницу.

– Вот что, Энн... – едва слышно произносит он, хотя все уже ушли.

– Да, святой отец?

Я стараюсь выглядеть благочестивой и не показывать своей радости. В последнее время посещение церкви для меня – самое счастливое событие за всю неделю. Теперь я хожу сюда одна и могу слушать гимны, наслаждаться ароматом белых лилий на алтаре и любоваться разноцветным светом, льющимся из витражных окон. Зная при этом, что папа не напьется пива и надежно привязан к маме. Затем я иду домой, через поля с кукурузой и маками. Невзирая на спешку, я всегда нахожу время пожевать боярышник и листья одуванчиков или собрать немного ягод. Как в детстве, когда по дороге из церкви мама, в своем лучшем воскресном наряде, учила меня, какие листья можно есть, и рассказывала, когда на ягодах ежевики появляется слюна дьявола, и их лучше избегать.

– Думаю, для тебя найдется место – младшей горничной.

Викарий потирает худые белые руки, и я вижу, как двигаются мышцы у него под кожей.

– В наш приход переехала новая семья. Сама понимаешь, я не мог рекомендовать тебя людям, которые знакомы с твоим положением.

Он замолкает и смотрит куда-то поверх моей головы, точно ждет указания свыше. Я и без него знаю, что никто не возьмет в услужение девушку с безумием в крови. Всем в округе известно, что мой отец – пьянчуга, а мать бродит по полям полуодетая. А новая семья – чистый холст. Они не знают о моем позоре.

– Откуда они, святой отец? – спрашиваю я, с трудом сдерживаясь, чтобы не поднести пальцы ко рту. Кому нужна прислуга, которая грызет ногти?

– Из Ипсвича. Хочешь у них работать?

– Да, святой отец. Вот только как быть с родителями...

Он все еще смотрит в небеса.

– Положись на меня. Сможешь прийти к нам в Тонбридж на этой неделе? У миссис Торп есть платье, из которого она выросла, и она великодушно согласилась одолжить его тебе для беседы с хозяйкой.

Я изумленно таращу глаза. Его супруга ни разу в жизни мне не улыбнулась, не то что заговорить. Затем я представляю, как буду выглядеть в ее платье – у миссис Торп такая необъятная грудь, что на ней может резвиться целое семейство мышей, и мои глаза распахиваются еще шире. Я смотрю на свою плоскую грудь и замечаю, что глаза викария движутся в том же направлении – он будто прочел мои мысли.

– Ты умеешь шить, Энн?

Я киваю.

– Вот и славно.

Он вновь потирает руки, точно замерз.

– Им вполне подойдет такая скромная и уступчивая девушка, как ты.

– Можно спросить, как их зовут?

– Их фамилия Актон.

Он указывает на дверь ризницы. Я делаю книксен, а он говорит:

– Смотри, не подведи меня или Господа, Энн.

– Конечно, святой отец, – отвечаю я, хотя думаю совсем не о Господе.

В голове роятся другие мысли. Кто присмотрит за мамой, когда я отправлюсь в Тонбридж? Только на дорогу туда и обратно уйдет час. За это время она успеет снять с себя все до последней нитки и добежать до самого Танбридж-Уэлса. Если папа ее не задушит или не изобьет до бесчувствия костылем. Я хочу спросить у викария, кто отвезет маму в новую лечебницу, но уже поздно. Дверь ризницы захлопнулась, и в огромной замочной скважине поворачивается железный ключ.

Свежий ветер с полей шумит в ветвях и качает живую изгородь. Небо у меня над головой темнеет. В лицо ударяют острые капли дождя. Я подбираю юбки и припускаю бегом.

Папы не видно. В доме пусто, даже Септимус куда-то подевался. Я начинаю паниковать. Где же мама? Сердце пускается вскачь, точно дикий мул, и все мысли о том, как я в накрахмаленном белоснежном переднике мешаю длинной ложкой закипающее молоко, улетучиваются из головы. О чем я только думала? Не могу я идти в услужение!

Я замираю, прислушиваюсь. И слышу сквозь завывание ветра, как кто-то зовет меня по имени, тихо и жалобно. Я бросаюсь на задний двор и нахожу там маму, привязанную к дереву.

– Энн, Энн, – стонет она, прижав руки к ушам.

Я бегу к ней и начинаю сражаться с узлом – папа завязал его на совесть. Мама в ярости набрасывается на меня, выпучив глаза, как лягушка.

– Ты не моя Энн, – злобно кричит она, – уходи, негодяйка!

С ее шершавого языка сыплется поток площадной брани, извинительной разве что в устах пьяного матроса. Под дождем проклятий я тихонько повторяю, чтобы успокоиться: «Семья Актон, приличная и респектабельная».

Когда мне наконец удастся развязать узел, толстые злые капли дождя вовсю лупят нас по головам.

– Пойдем в дом, – ласково умоляю я, но мамой овладело бешенство.

– Не-ет! – визжит она. – Я должна дожидаться свою Энн!

И вцепляется мне в лицо необрезанными ногтями, острыми и зазубренными.

– Я и есть твоя Энн, – доказываю я.

– Лгунья! Она плюет мне в лицо, я отскакиваю, и она произносит слова, от которых у меня холодеет сердце.

– Энн умерла. Умерла, умерла!

И тогда я понимаю, что мистер Торп прав: я должна выбраться из этого ада, пока сама не потеряла рассудок. Я хватаю маму на руки и тащу в дом, насквозь промокшую. Слава богу, она такая же худая, как и я.

Потом возвращается из пивной папа. Его глаза с желтоватыми белками слегка затуманены, но запах пива едва слышен.

– Послушай, Энн, – довольно внятно произносит он. – Я так больше не могу. Мистер Торп, благослови его господь, сказал, что если я брошу пить, он будет платить мне немного денег, чтобы я чистил могилы от зарослей и сорняков.

– А кто будет смотреть за мамой, пока ты работаешь? – ровным и спокойным голосом спрашиваю я.

– В том-то и беда.

Папа смахивает тыльной стороной ладони блестящие слезинки, выступившие на глазах.

– Она уж вовсе не в себе.

Он быстро-быстро моргает.

– Нас не узнаёт. Она совсем... превратилась в животное.

Мне хочется возразить, что он заблуждается, но в горле встает ком величиной с айву.

– Викарий говорит, что безумие не лечится. И еще он сказал, Энн, что у тебя есть мозги, что ты сметливая. Он может найти тебе работу. Не в пивной или на ферме, а в доме у приличных леди. Благородного происхождения.

Я оглядываюсь по сторонам, мне на глаза попадается дверь со следами грязных пальцев вокруг засова, которые нужно смыть, пока не засохли. Я не смогла рассказать папе о разговоре с викарием. Мне казалось, что если я повторю его слова о месте в приличном доме, все мои надежды развеются, как дым.

– Да, я собиралась сказать тебе сама, только...

Я смотрю на маму, которая сидит на полу и тупо смотрит на нас, будто это не она, а какое-то незнакомое существо, пустое и чужое. Это не мама. Я обнимаю папу и прижимаюсь щекой к колючей бороде. От него пахнет пабом – пивом, табаком и древесным дымом, а его одежду давно пора постирать и проветрить.

– Тяжелая работа – носить уголь и воду, мыть полы, выбивать ковры. Да не тяжелей, чем здесь. И тебя будут кормить как следует.

Папа указывает на котелок с овощными очистками, затянутыми щепотью маранты. Он выпускает долгий хриплый вздох, столь тяжкий, что у меня сжимается сердце.

– Мне будут платить жалованье, па. Я смогу присылать домой деньги.

Я зарываюсь лицом в его бороду, думая о том, что наконец выплусь без веревок, впи- вающихся в тело, без маминых пинков и тычков.

– Мистер Торп – благочестивый человек, добрый христианин, – произносит папа.

Мы оба смотрим в угол, где покорно сидит мама. И мне начинает казаться, что мы допускаем страшную ошибку. Может, мне надо остаться дома, присматривать за сумасшедшей матерью и калек-отцом? Что, если эти Актоны не лучше моей семьи? По деревне то и дело ходят слухи о какой-нибудь бедной девушке, которую избивал или запирали хозяин. А то и хуже. Бывает, что девушки возвращаются домой из услужения с круглыми, как полная луна, животами.

– Па, ты знаешь что-нибудь о новой семье, куда хочет устроить меня мистер Торп?

– По-моему, у тебя будут две хозяйки: вдова и старая дева. Мужчин в доме нет.

Когда папа это произносит, я понимаю, что он подумал о том же.

Глава 7

Элиза

Желе из райских яблочек

Невзирая на рыбные фургоны, что тарахтят по улицам городка, направляясь в Лондон, и сборщиков хмеля, прибывающих ежедневно в повозках, в Тонбридже не ощущается такой суеты, как в Ипсвиче. Это нравится матери, которая превозносит его незаурядных обитателей и еще более незаурядных визитеров. Она положила свой беспощадный глаз на хорошо одетых леди и джентльменов, что приезжают на воды в соседний курортный городишко, Танбридж-Уэллс, и нуждаются в первосортных комнатах.

Мы сняли дом новой постройки, и у него даже есть имя – Бордайк-хаус, вырезанное на перемычке над входом. Как и положено пансиону для публики из высшего общества, он просторный, хорошо меблирован и расположен далеко от открытых стоков. И все же в нем есть что-то неправильное, точно в плохо сшитом пальто. Наверное, мне так кажется потому, что Эдгар отправился искать свою судьбу на Маврикий, а Кэтрин и Анна поступили гувернантками в семьи – всем нам удалось избежать сплетен и бесчестия, и мы с матерью остались вдвоем. А может, потому, что нам уготовано здесь безрадостное будущее – стать хозяйками меблированных комнат.

Мы сидим в малой гостиной – желтые стены, кресла, обитые блестящей тканью с гигантскими желтыми ананасами, и я наконец решаюсь предложить матери свой план. Я работала над ним три недели, каждый вечер. Листала при свечах кулинарные книги. Читала, перечитывала. А днем, пока мать занималась расстановкой мебели и объявлениями для будущих жильцов, бродила по книжным лавкам, заказывая книги, которые мы с трудом могли себе позволить.

– Мама, что говорят адвокаты, кто-то еще претендует на оставшееся у нас имущество?

– По-моему, нет. Надеюсь, что нет. Но теперь мы должны сами зарабатывать на жизнь.

Она поднимает голову от гроссбуха:

– Средств осталось удручающе мало. Я поместила три объявления для жильцов, побеседовала с викарием и директором школы. Общая сумма нашего долга составляет...

Она замолкает и изучает записи.

– Двадцать гиней или немного больше. Наши финансовые дела так запутаны. Или это я запуталась. Сама не понимаю.

– А мы можем позволить себе оставить миссис Дарем?

– Кто-то же должен готовить еду для жильцов.

– Жильцов пока нет. А этот дом солидный и дорогой.

– Ну, я ведь не умею готовить, и ты тоже.

Я набираю в грудь воздуха.

– Мистер Лонгман предложил мне написать кулинарную книгу.

Мать бросает на меня удивленный взгляд:

– Ты об этом не упоминала. Какой грубиян!

– Я решила принять его предложение, если оно еще в силе.

– Но... ты не умеешь готовить, Элиза. Ты никогда этим не занималась. Кроме того, женщины нашего круга не готовят еду сами.

– Я намерена внести свою лепту в расходы на хозяйство.

– Ты хочешь, чтобы я отказала миссис Дарем и поставила на ее место тебя? Как обычную прислугу? – сердито надувает губы мать.

– Да, – лаконично отвечаю я. – Научусь готовить и напишу книгу, которая нужна мистеру Лонгману.

– А практиковаться будешь на постояльцах?

Я опускаю взгляд на свои руки и понижаю голос:

– Ты забываешь, что я жила в Италии... и во Франции.

– Ну, ты же не работала там кухаркой! – Она стремительно выпаливает последнее слово, точно ей не терпится от него избавиться. – Как бы то ни было, ты не работала там целыми днями в душном подвале без окон.

Она замолкает, прищуривается и оглядывает меня.

– Или я что-то пропустила?

– Французская кухня произвела на меня огромное впечатление.

На секунду мое горло обволакивает нежная сладость ванильного крема. Словно тело помнит то, что забыл мозг. Мама воинственно выпячивает челюсть, и вкус исчезает.

– Я изучила кулинарные книги и знаю, что могу написать лучше. Некоторые из авторов едва освоили грамоту. Количество ингредиентов указано неточно, объяснения корявые. Рецепт там недостает ясности, они не вызывают аппетита.

Бросаю взгляд на маму. Она нервно теревит руки, беззвучно шевеля губами.

– Я буду не кухаркой, а кулинарной писательницей. В этом нет ничего предосудительного.

Я протягиваю ей «Новую систему приготовления домашней еды от леди». Мать, раздувая ноздри, листает книгу.

– Мало того, что ты вздумала писать стихи, но это... – она указывает пальцем на обложку, – совершенно неподобающее занятие для женщины нашего круга. Если хочешь внести свою лепту, поищи место гувернантки. С твоим опытом ты можешь найти работу в хорошей семье.

Я каменею. Я уже не та женщина, что управляла школой, вдохновляла девочек преуспевать в учебе, сопровождала обеспеченных юных аристократок в путешествиях по Европе. Теперь я совсем другой человек, возврата к былому нет. Порой я задумываюсь, не стала ли из-за своего прошлого слабой, уязвимой. Даже подумать страшно, что я могу вновь оказаться в классной комнате. Кухня – куда более приятное место...

– По крайней мере, позволь мне написать мистеру Лонгману и договориться об условиях.

– Само собой разумеется, ты опубликуешь книгу анонимно, как и эта якобы «леди».

У меня вырывается тихий вздох. Я знаю: матери будет стыдно за мою, нашу причастность к работе на кухне, но не могу забыть свою книгу стихов. «Стихотворения Элизы Актон». Я не в силах забыть, как тысячу раз проводила пальцем по своему имени – не из тщеславия или гордости, нет: это помогало мне обрести себя. Каким-то непостижимым образом определяло мое место в мире.

– Только если этого потребует мистер Лонгман, – подумав, произношу я.

Мать бросает книгу мне на колени и возвращается к гроссбуху.

– Вечно ты лезешь в драку, Элиза. Неудивительно, что ты осталась без мужа.

Она берет карандаш и тычет в колонки цифр.

– На миссис Дарем мы сэкономим десять гиней в год. Можно попробовать...

– Спасибо! Спасибо, мама! – Я так стремительно подхватываюсь с места, что книга взлетает в воздух.

– Ну, нельзя же в твоём возрасте носиться со стихами. Только тебе нужна будет помощница на кухне, буфетная прислуга. Спать она может в мансарде с Хэтти.

– Хорошо бы спокойную девушку. И умную.

Мысль о полуграмотной болтливой девчонке с грязными ногтями, целый день не слезающей с моих ушей, совершенно невыносима. Мне нужно хоть сколько-то уединения и покоя.

– Бери кого хочешь, – хмурит брови мама. – А что, если у тебя не окажется способностей к кулинарии?

Я не отвечаю: мои мысли уже не здесь... экзотические специи, прибывающие ежедневно из Восточной Индии и обеих Америк, ящики со сладкими апельсинами и горькими лимонами с Сицилии, абрикосы из Месопотамии, оливковое масло из Неаполя, миндаль из Иорданской долины... Я видела все эти деликатесы на рынке. Но знает ли хоть одна английская душа, как готовить из этих продуктов?

Я вновь вспоминаю о своей жизни в Италии и Франции, обо всех деликатесах, что там перепробовала. И о садах, что видела в Тонбридже, с высокими грядками щавеля, латука, огурцов, кабачков, тыкв. По берегам реки зреют ежевика и шиповник, а на сливах и терновнике еще не опали цветы. Деревья склоняются под тяжестью зеленых яблок, пятнистых желтых груш и райских яблочек с золотисто-розовыми боками. Скоро появится кукуруза, грецкие орехи, шампиньоны и гигантские дождевики.

Мне вдруг нестерпимо хочется ощутить вкус желе из райских яблочек. Даже язык немеет. Я прихожу в себя. Мама вновь склонила голову над грессбухом.

– Моим первым блюдом будет желе из райских яблок, – объявляю я.

– Ты хоть знаешь, от чего застывает желе?

– С шалфеем, – задумчиво добавляю я.

Да, обязательно нужен шалфей. Его мощный, острый аромат идеально подходит к кислой терпкости маленьких райских яблочек.

– Элиза, ты меня слышишь?

Глава 8

Энн

Превосходный домашний лимонад (с лавандой)

Сегодня у меня встреча с будущей хозяйкой. Я нарядилась в старое платье миссис Торп, которое на моей тщедушной фигуре висит как на вешалке. Супруга викария впервые в жизни удостоила меня беседой. Она сказала, что когда я начну работать в доме миссис Актон, то стану вдвое толще. Еще она велела мне называть миссис Актон «мадам» и ни в коем случае не показывать свою дурную кровь.

Я помогаю папе привязаться веревкой к маме. Она сегодня непривычно тихая, будто знает, что я что-то задумала. До Тонбриджа полчаса ходу. Я трясусь как осиновый лист, во рту пересохло, точно туда натолкали опилок. Меня страшно нервирует платье миссис Торп. Я боюсь его испортить и высоко поднимаю юбки. Она ясно дала понять, что одолжила мне наряд только потому, что ее муж – добрый христианин, а платье совсем износилось и годится только для старьевщика.

Когда я подхожу к дому мисс Актон, меня начинает трясти еще сильнее: он огромен и великолепен. Я проскальзываю в ворота, иду мимо пивоварни, прачечной и каретного сарая. Булыжники посыпаны свежей соломой, хотя лошадей или экипажей не видно, а все двери закрыты.

Я стою во дворе, приглаживая волосы и оправляя юбки миссис Торп, как вдруг распахивается дверь, и на крыльцо выходит женщина, высокая, с темными волосами, зачесанными наверх и заколотыми булавками на макушке.

– Вы к кому? – спрашивает она.

– Я Энн Кирби, – скрипучим от волнения голосом произношу я, – пришла поговорить с мисс Актон.

– Это я, – говорит она, несказанно меня удивив, ведь миссис Торп сказала, что благородные дамы сидят в своих покоях и никогда не выходят на солнце.

Она приглашает меня в дом. Следуя за женщиной, я во все глаза разглядываю ее платье – светло-голубое, из тончайшей материи, с настоящим кружевом на воротнике. Она не надела драгоценностей – ни в уши, ни на шею, наверное, чтобы уберечь меня от искушения. Миссис Торп предупредила, чтобы я ни в коем случае не смотрела на украшения дам, не то меня примут за воровку.

– Побеседуем на кухне, – предлагает мисс Актон.

Я молча киваю – от страха речь отняло.

Кухня очень просторная и высокая, в четыре раза больше, чем весь наш домишко. Под потолком развешаны кастрюли, а на крючках вдоль стен – рифленные медные формы всевозможных размеров. Посередине стоит гигантский стол с разнообразной утварью: щипчики для сахара, кондитерские валики с шипами, шаблоны для печенья, формы для масла, – точно как рассказывал Джек. Они невероятно красивые, выпуклые, блестящие – я готова смотреть на них вечно.

– Здесь мы будем проводить свои дни, – говорит мисс Актон.

Я удивленно таращусь на нее, не в силах произнести ни слова. Кто «мы»? Я напрасно ищу взглядом кухарку: должно быть, она в саду или ушла на рынок.

– Расскажи, что ты умеешь делать, Энн.

У нее мягкий, ласковый голос, такой добрый, что я забываю о своих страхах.

И вдруг она произносит нечто такое, от чего я пугаюсь еще сильнее.

– Извини, я не предложила тебе ничего прохладительного. Какая бестактность с моей стороны! Выпьешь стаканчик свежего лимонада?

Я трясую головой: не ее дело наливать мне напитки. Подожду, пока вернется кухарка.

– Я сделала его сама сегодня утром. Решила поэкспериментировать и добавила немного измельченной лаванды, – уговаривает она.

– Да, спасибо, мэм, – едва слышно шепчу я, как велела миссис Торп, не желая показаться грубиянкой.

Она наливает лимонад в высокий стакан. И тут я понимаю, что она ждет, пока я выпью. О напитках миссис Торп не сказала ни слова, и я растерялась.

– Пей! – приказывает мисс Актон.

Я отпиваю глоток. В жизни не пробовала такой вкуснятины. Кислинка и одновременно сладость, острота, нежность и цветочный аромат.

– Как тебе? – спрашивает она.

Я таращусь на нее, забыв, что миссис Торп велела не пялиться.

– Ну, говори! – требует мисс Актон, хотя я вижу, что она не сердится – на ее губах играет улыбка.

Не могу же я сказать, что меня пугает ее вопрос – ведь миссис Торп предупредила, что я никогда не должна высказывать своего мнения. И разве можно сказать ей, что вкус лимонада напомнил о вещах, которые я не могу облечь в слова: как мама обрывает цветочки лаванды и смешивает с сушеными листьями вербены и мелиссы... Глаза щиплет от слез, и я хватаюсь за стол, чтобы устоять на ногах.

– Тебе нехорошо?

Мисс Актон подходит ко мне и усаживает в низкое кресло, и я сижу, сгорая со стыда.

– Тебе нужно выпить еще стаканчик, – говорит она и вновь наливает мне лимонада.

Она подносит стакан прямо к моему лицу, так что у меня перед глазами оказывается светлая матовая жидкость, от которой разносится аромат лимона и лаванды.

– Возможно, тебе жарко в этом шерстяном платье.

Она ставит стакан на пол рядом с креслом и выходит из комнаты. Я уверена: она ушла писать письмо миссис Торп, чтобы пожаловаться. Я сделала все не так, показала себя беспомощной, грубой и невоспитанной. А все моя дурная кровь.

Я пью лимонад, который вновь переносит меня из мрачного серого сна в цветущий, благоухающий мир, и успокаиваюсь. Заслышав шаги, я вскакиваю и становлюсь по стойке «смирно» рядом с раковиной, чтобы показать свою готовность к работе.

– Тебе лучше, – замечает она.

– Л-лимонад, мэм, – заикаясь, произношу я, желая исправить оплошность, сказать ей, что он потрясюще вкусен, но не успеваю: она меня перебивает.

– Тебе от него стало нехорошо? О, какой ужас!

Она хмурится и заглядывает в глиняный кувшин.

– Наверное, лаванда была ошибкой. Может, его спасет холодное молоко и капелька хереса...

– Нет, мэм, – уже в полном отчаянии говорю я. – Это самое вкусное, что я пробовала в своей жизни. Просто он вызвал у меня такие воспоминания, что я немного разволновалась. Извините, мэм. Вообще-то, я сильна, как бык, мэм.

Она смотрит на меня проницательным и серьезным взглядом. «Ну, все, – думаю я. Сейчас она меня выгонит из-за такой дерзости». Ничего подобного – она запрокидывает голову и смеется, и я вижу ее длинную белую шею и вьющиеся темные локоны, подпрыгивающие возле ушей.

– Думаю, мы с тобой подружимся, – произносит она, перестав наконец смеяться. – Расскажи, где ты работала раньше.

Меня озадачивают и смущают ее слова о дружбе, но к этому вопросу миссис Торп меня подготовила, так что отвечаю я без запинки.

– Я ухаживала за своими родителями, у них слабое здоровье. Мой отец сражался против Наполеона, мэм. Я могу носить воду и уголь, чистить камин, чернить плиту, мыть пол, протирать пыль, немного шить. Еще могу чистить овощи и картошку, рубить щепу, растапливать плиту.

– А читать и писать ты умеешь? – спрашивает она, двигая ко мне книгу.

Я киваю, и она просит открыть книгу и почитать. На обложке написано, что это книга с рецептами. Меня внезапно охватывает возбуждение, точно огонь вспыхивает под кожей. Это чувство превращается в панику.

– Я не читала несколько лет, мэм.

– Тогда начни не торопясь, – с ободряющей улыбкой настаивает она.

Я открываю книгу и начинаю читать, очень медленно и сосредоточенно.

– «Как приготовить зайца», – читаю я.

Она кивает и улыбается: тепло и великодушно.

– «Помойте его теплой водой, обдайте кипятком и опустите в холодную воду. Нашпигуйте салом и обжарьте. Для соуса возьмите красное вино, соль, уксус, имбирь, перец, гвоздику, мускатный орех, все перемешайте. Нарежьте лук и яблоки и обжарьте на сковороде. Затем добавьте к ним соус и немного сахара. Доведите до кипения, протушите вместе и подавайте».

Когда я заканчиваю читать, наступает тишина, и мой желудок, как назло, издает голодное урчание. Я краснею, но мисс Актон лишь смеется и спрашивает, где я научилась так хорошо читать.

– Мама научила, – поясняю я. – Она особенно настаивала на грамоте. Брата было не усадить за книгу, а меня так за уши не оттащить.

– Какая замечательная у тебя мама, – с улыбкой говорит она.

Я вдруг чувствую страшную усталость, точно чтение выжало из меня все соки.

– Думаю, ты справишься, – добавляет мисс Актон. – Правда, мы не можем платить тебе большое жалованье, пять шиллингов в неделю подойдет?

Ее вопрос вводит меня в ступор. Не то чтобы я не поверила – люди, которые могут позволить себе такой дом, должны быть богатыми, как Крез, и все же я смущена. Миссис Торп проинструктировала меня, что когда пойдет разговор о жалованье, я должна сделать книксен и сказать: «Спасибо, мэм». Однако я вспоминаю об этом слишком поздно, и мисс Актон заговаривает вновь, тоже смущенно и озабоченно.

– Когда ты освоишься, мы немного повысим жалованье. Возможно, выкроим чуть больше. Я понимаю, это не бог весть что...

– Пять шиллингов – очень щедрое жалованье, мэм, – быстро произношу я, пока она не передумала и не написала миссис Торп, что я нахалка.

– Отлично. Хочешь посмотреть свою комнату? Жить будешь с Хэтти, моей горничной, она приехала с нами из Ипсвича.

Я с тревогой смотрю на нее. Очередной вопрос, о котором миссис Торп ни словом не обмолвилась.

– Я уверена, что комната очень хорошая.

– Вот и славно, – говорит она и кладет руку мне на плечо, мягко направляя к выходу.

Мне странно чувствовать ее руку на своем плече, ведь я уже не помню, когда кто-нибудь прикасался ко мне по-дружески. От мамы, вечно привязанной ко мне веревкой, я не жду ничего, кроме пинков и тычков. И с папой не лучше – мне приходится тащить его на себе, когда он возвращается из пивной пьяный и дышит мне в лицо перегаром. А мисс Актон такая аккуратная, чистая и ласковая.

– И вот еще что, – говорит она, когда мы выходим во двор.

Я вновь испуганно расширяю глаза и замираю: видно, она раскусила меня, заметила мою дурную кровь.

– Да, мэм.

Она останавливается и трогает рукой шею.

– Не надо называть меня «мэм».

– Да, мэм, – испуганно произношу я, не понимая, что она имеет в виду.

Она вновь хохочет, будто я сказала что-то смешное.

– Ты можешь обращаться так к миссис Актон, а меня, если не трудно, называй мисс Элизой.

Она протягивает руку и вновь легонько касается длинными белыми пальцами моего плеча.

– Да, мэм, – дрожа, произношу я.

Она смеется, и я понимаю, что сморозила глупость.

– Да, мисс Элиза, – исправляюсь я голосом, каким говорю с мамой, своим наполеоновским голосом.

Он прорезается помимо воли, и, услышав его силу, я испуганно прикрываю рот ладонью. Но мисс Элиза лишь кивает и улыбается, а ее голубые глаза сверкают, как росистые незабудки в солнечных лучах.

Весь обратный путь, идя мимо кукурузных полей и зеленой дубовой рощи, что купается в мягком солнечном свете, я танцую от радости. Лишь свернув на дорогу, ведущую к нашему дому, я вспоминаю, что миссис Торп велела упомянуть о Джеке, который работает на самой лучшей кухне Лондона. Какая же я дура! Восхитительный лимонад и сверкающая кухня мисс Элизы связали мне язык, и совет миссис Торп напрочь вылетел из головы. Я решаю не говорить супруге викария о своем промахе. И о том, что мисс Элиза обращалась со мной, как с подругой. Я выкидываю из головы миссис Торп вместе с ее необъятным платьем, швы которого нещадно царапают и колют мое тело, и спешу к дому, надеясь, что папа сдержал обещание держаться подальше от пивной и не убил маму.

Глава 9

Элиза

Очень вкусное печенье с лимонным кремом

Я отсчитываю нужное количество яиц, доставая их из корзины, – еще теплые, с прилипшими перышками. Насыпаю сахар из керамической баночки, беру острый нож и снимаю цедру с двух лимонов. Мир вокруг меня исчезает. Зрение, нос, обоняние, вкус подчиняются великому таинству, и я думаю только о том, как приятно снимать цедру с лимона, растворяясь в его острой, яркой мелодии.

Я теперь вижу поэзию в самых неподходящих вещах: от твердого мускатного ореха до испачканного землей корешка петрушки, и задумываюсь, можно ли написать кулинарную книгу, не менее искреннюю и красивую, чем стихи. Почему книга с рецептами не может быть красивой?

В тишине кухни мысли текут легко и свободно. Разбивая яйца, я невольно сравниваю процесс приготовления блюда с написанием стихов. Фрукты и овощи, приправы, специи, яйца, сливки – мои слова, и я должна соединить их таким образом, чтобы из них получилось приятное на вкус блюдо. Точно как стихотворение, которое находит путь к сердцу читателя, очаровывает и трогает его. Я должна извлечь из имеющихся в моем распоряжении продуктов лучшие ароматы, как поэт извлекает из слов настроение и смысл. Важен и сам стиль. Подобно стихотворению, рецепт должен быть четким и понятным. Ничего случайного, неряшливого. А рецепты, по которым я готовлю, напоминают плохие стихи – вялые, обрывочные, беспорядочные.

В письме с условиями мистер Лонгман сообщил мне кое-какие факты о таинственной леди, написавшей успешную, хотя никуда не годную «Новую систему приготовления домашней еды». Эта женщина, некая миссис Мария Ранделл, умерла несколько лет назад. А до этого успела продать полмиллиона экземпляров своей кулинарной книги. В письме мистера Лонгмана последний факт подчеркивался дважды. Издатель будто намекал, что ожидает этого от моего скромного труда. Полмиллиона читателей!

Я в третий раз просматриваю рецепт миссис Ранделл. Неужели трудно было написать отдельный список ингредиентов? Легче выписать их самой, чем сто раз перечитывать рецепт.

Я решаю, что мои рецепты будут выглядеть иначе. Перечислю ингредиенты отдельным списком, с указанием точного количества. У женщин и без того хватает забот, чтобы держать в голове список ингредиентов для каждого блюда. А писать я буду именно для женщин. Мистер Лонгман подчеркнул это особо. Представительницы растущего среднего класса, которые делают первые шаги, хотят показать себя образцовыми домохозяйками, готовя обеды и прочее. Необходимо помочь им руководить своими кухарками или привлечь на кухню, чтобы они могли доставить удовольствие своим мужьям, а те, в свою очередь, могли накормить важных гостей и произвести благоприятное впечатление.

Я тяжело вздыхаю: несмотря на мое согласие написать поваренную книгу, мистер Лонгман так и не вернул мне стихи, хотя я просила об этом уже дважды. Я разрезаю на две части лимон и выдавливаю в миску каждую половинку, до последней капли, пока все мысли о мистере Лонгмане не вылетают из головы. И вспоминаю об Энн Кирби. Странная девочка. Веснушчатая, простодушная, худенькая. Ключицы выступают, тоненькая фигурка тонет в огромном шерстяном платье с чужого плеча. Плечи сгорблены, точно она всю свою короткую жизнь только и делала, что таскала мешки с углем. Тем не менее умеет читать. И на нее произвел такое впечатление мой лавандовый лимонад. В ней есть поэтическая жилка. Несмотря на детское смущение, я рассмотрела в ее лице черты, которые всегда высоко ценила

в людях: искренность, любознательность, ум. И нечто еще, какая-то необъяснимая горечь. Мне кажется, у нас есть что-то общее, хотя откуда? Мать, разумеется, возражала, спрашивала, зачем я нанимаю девушку, никогда не бывшую в услужении. Она успокоилась, только узнав, как дешево обойдется нам Энн, и что ее рекомендовал сам викарий.

– Чудесная новость, милая Элиза, – прерывает мои размышления взволнованный голос матери. – В понедельник прибывают наши первые жильцы. Полковник Мартин с супругой, из Спитафилдса, Лондон, приезжает на воды лечить подагру. Ты готова их встретить?

Меня охватывает нервное возбуждение.

– Я собираюсь подать на завтрак рагу из зайца и печенье с лимонным кремом, а на обед – пряную говядину с салатом из одуванчиков и яблочную шарлотку в качестве сладкого блюда.

Я сосу палец – в порез попал лимонный сок, беззвучно проклиная свои неуклюжие руки, которые не умеют держать терку и вечно норовят соскользнуть с ножа.

– Господи боже, Элиза! Посмотри на свои руки! На них живого места нет! Кто возьмет тебя замуж с такими руками?

– В ближайшее время я все равно не ожидаю предложений руки и сердца, – закатываю глаза я.

– А вдруг у полковника Мартина есть холостой брат? – кокетливо взбивает волосы мама.

– Я лучше останусь ненавистной старой девой, чем выйду замуж за подагрического старикашку, которому нужна нянька.

– Ах, Элиза! Со старыми девами обращаются не лучше, чем с куском грязи. Ты ведь хочешь быть достойной, уважаемой женщиной? Возможно, у полковника Мартина есть сын, не страдающий подагрой.

Она фыркает и осматривает меня с ног до головы.

– Жена кузнеца ждет ребенка, а ей сорок три года! Сорок три! Седая, как лунь, а у тебя все еще восхитительные каштановые волосы.

– Если ты оставишь меня в покое, я смогу поработать над кулинарной книгой, которая принесет нам доход, независимо от полковника Мартина вместе с его гипотетическими сыновьями и братьями.

Я разбиваю яйцо о край миски и смотрю на вытекающий из него белок. В миску не попало ни кусочка скорлупы, и я страшно довольна своим достижением.

– А ты собираешься придумывать свои рецепты? Или просто пользоваться чужим трудом?

– Я пока учусь готовить, а со временем напишу всем нашим друзьям и знакомым и попрошу прислать их любимые рецепты.

Я так энергично работаю венчиком, что у меня белеют костяшки.

– Значит, все, кому не лень, узнают, что ты стала кухаркой?

– Я буду создавать собственные рецепты, – ровным и уверенным голосом продолжаю я.

Не хочу говорить ей, что мысленно уже сочиняю, комбинирую, смешиваю разные продукты: фрукты и специи, свежую рыбу и травы, мясо, дикорастущие растения и сливки – сомневаюсь, что она поймет.

– Знаешь, Элиза, ты можешь просто написать нашим друзьям и знакомым, что нам нужно разнообразное меню для жильцов. Не стоит сообщать им подробности, – упрямо складывает руки на груди мать. – Во всяком случае, это прилично.

– Нет, мама. Используя их рецепты, я должна буду поблагодарить их в своей книге. Если только они не захотят остаться анонимными.

Не отрывая взгляда от яиц, я старательно орудую венчиком, пока не начинает болеть рука.

– Ты должна приготовить комнаты для полковника Мартина и его жены, – напоминаю я матери, надеясь, что она наконец уйдет.

– Хэтти прекрасно осваивается в Тонбридже, – меняет тему она. – Но думаю, ей будет веселее, когда у нас появится буфетная прислуга.

Я вспоминаю Энн... худышку Энн, потерявшую дар речи от моего лимонада.

– Да, конечно, – соглашаюсь я, – мне тоже.

Глава 10

Энн

Имбирная коврижка по семейному рецепту

Я прибываю в Бордаик-хаус воскресным вечером. Мисс Элизы нигде не видно. Спесивая горничная ведет меня в комнату на самом верху, где мы будем жить вместе.

– Я Хэтти, – говорит она, разглядывая меня с видом голодной кошки, узревшей мышь. – Я уже дважды бывала в услужении и приехала с Актонами из самого Ипсвича, так что я здесь главная.

– Главная надо мной? – уточняю я, оглядывая маленькую мансардную комнатку.

По обе стороны стоят две настоящие кровати – узкие, зато с постельным бельем и одеялами. Малюсенькое окошко выходит на хозяйственный двор. Остальную мебель составляют умывальник с тазом и кувшином, комод, куда я должна сложить свои вещи, и ночной горшок с выцветшей зеленой птицей на боку.

– Ну да, – отвечает Хэтти. – Где твой сундук с вещами? Ты никогда не была в услужении, что ли?

Мне жутко стыдно, и я решаю соврать, что мой багаж приедет позже, но язык отказывается повиноваться. Я мотаю головой, бормочу что-то нечленораздельное и краснею. Неужели я единственная, у кого нет ничего своего? Даже смены одежды или обуви...

– У тебя нет сундука? У каждой девушки должен быть сундук.

– Все мои вещи в мешке. – Я указываю на холщовую торбу, в которой хранятся щетка для волос, чистая ветошь для месячных, треснутый обмылок и обструганная палочка для чистки зубов. – А когда я могу познакомиться с кухаркой?

– У нас нет кухарки, – с чувством превосходства ухмыляется Хэтти. – Только мисс Элиза, и здесь, наверху, команду я, понятно?

Я недоуменно хмурюсь. Чувство неловкости, что у меня нет сундука, уступает место удивлению: ведь миссис Торп ясно дала понять, что я буду помогать кухарке.

– Нет кухарки? А кто же готовит еду?

– Мисс Элиза, – поясняет Хэтти.

Не успеваю я подобрать упавшую челюсть, как она велит мне ложиться спать, потому что на завтра прибывают первые постояльцы, и хозяйка хочет, чтобы мы встали в половине шестого.

Как только я укладываюсь в постель, Хэтти начинает шепотом расспрашивать о моей семье.

Миссис Торп велела мне не отвечать на такие вопросы.

– Почему ты так поздно идешь в услужение, Энн? Твои мать и отец еще живы, Энн?

Я мямлю что-то невразумительное, пока она не начинает задавать вопросы, на которые я могу отвечать без вранья.

– Сколько твоих братьев и сестер умерли, Энн?

– Все семеро, кроме меня и Джека.

Я не говорю ей, что четверо из них умерли от потовой горячки за два дня. Не хочется сейчас об этом думать.

– А у тебя есть кавалер, Энн?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю. А у тебя?

– Ага. Из Ипсвича. Он работает в мануфактурной лавке, у него материй каких хочешь полно. И разноцветных ниток. Ты всех в Тонбридже знаешь, Энн?

- Не-а. Только викария и его жену.
- У тебя что, нет друзей?
- Джек, мой брат, да он теперь в Лондоне живет.

Хэтти наконец засыпает, не успев договорить фразу о том, что я должна выполнять все ее приказания, если не занята на кухне с мисс Элизой. Стараясь сдержать слезы, я прислушиваюсь к шуршанию в стропилах. Сегодня мистер Торп увез маму. В новую лечебницу для душевнобольных. Он говорит, что там все очень благочестивы. Завтра папа будет работать на кладбище, я – в Бордайт-хаусе, а мама... Что будет делать мама? Мистер Торп уверяет, что у нее будет личная сиделка, чтобы успокаивать ее, когда она впадает в панику, и защищать ее скромность, если она порвет на себе одежду. В конце концов мне удастся отогнать мысли о маме с папой и о доме, и я задумываюсь о мисс Элизе, которая на самом деле никакая не благородная леди, а простая кухарка. Не понимаю, почему миссис Торп скрыла это от меня. Когда в голове перестают роиться мысли, я прислушиваюсь к шороху под крышей, но все тихо. Хоть бы Хэтти захрапела, или начала вертеться с боку на бок, или вскрикнула во сне, как мои мама и папа. Нет, она лежит очень спокойно.

Чуть свет я прокрадываюсь в кухню. Там царит образцовый порядок, все чистое, отполированное и на своих местах. На полке выстроились стаканы, рассортированные по размеру: от совсем крошечных стопочек, с большой палец на моей руке, до сияющих ослепительным блеском огромных бокалов с выющимися виноградными лозами по ободку – наверное, для желе или вина. Над ними стоят керамические бутылки и оловянные кувшины, не такие, как у нас, а с большими изогнутыми ручками. На глиняной посуде нет трещин или сколов, а олово отполировано до блеска. Из эмалированных горшочков выглядывают натертые маслом дубовые ложки с резными ручками. На столе стоят три корзины из ивовых прутьев. В одной – две дюжины коричневых куриных яиц, в другой – полдюжины белых, а в третьей, устеленной красной тканью и свежей соломой – маленькие, пестрые, с ноготь на большом пальце. «Наверное, перепелиные», – думаю я, внезапно чувствуя голод. Я не ела яиц с тех пор, как мама заболела и мы продали кур.

При виде новомодной плиты меня охватывает страх. Она теплая на ощупь, как тост. Я во все глаза рассматриваю плиту, удивляясь, как не заметила ее раньше; вдруг появляется Хэтти и спрашивает, почему я не выгребла золу.

– О, Хэтти, я никогда таких не видела, – завороченно шепчу я, думая, что она сейчас опять задерет нос.

Вместо этого моя наставница становится на колени и объясняет, что хозяйка велела выбирать угли из золы и использовать вновь.

– Золу надо выносить в сад, под кусты черной смородины, – добавляет она. – Но сперва ты должна вытащить решетку, набросать мокрых чайных листьев, чтобы не поднимать пыль, сгрести и просеять. После этого чистишь сажу, чернишь и полируешь плиту.

Она открывает дверцу в нижней части плиты.

– Свинец, скипидар и щетки здесь. Это надо делать как можно раньше, пока плита еще теплая, тогда лучше блестит. А потом уже разводишь огонь. Мисс Элиза любит топить углем. Ты раньше пользовалась углем?

Я качаю головой. Дома мы топим хворостом и коровьими лепешками, от которых в нашей лачуге стоит несусветная вонь, а теперь, когда папа работает на кладбище, мистер Торп разрешил ему собирать сосновые шишки. Я не говорю этого Хэтти не только от стыда. Она может спросить, с чего это викарий так печется о нашей семье. Я вовсе не уверена, что она поверит папиному ответу, что его преподобие – добрый христианин, поэтому держу рот на замке.

– Вы дома пользуетесь трутницей?

Я киваю.

– Актоны пользуются спичками. Я покажу тебе, как их зажигать.

В жизни не зажигала спичек. Они горят красно-синим огнем, разбрасывая искры, и комнату наполняет запах тухлых яиц.

– Как я рада, что не буду больше драить плитку, – говорит Хэтти и добавляет, что по пятницам я должна вставать еще раньше и прочищать дымоход.

– И ты делаешь все одна? – спрашиваю я.

Такой огромный дом: куча комнат, камин, а сколько в нем окон, которые нужно держать чистыми!

– В Ипсвиче нас было семеро, да еще дворецкий. А потом случилось кое-что ужасное, мне не разрешают об этом говорить, и теперь только ты да я. Правда, хозяйка обещала нанять больше прислуги, когда появятся жильцы. А они приедут сегодня, Энн!

Хэтти хлопает в ладоши и сияет, точно жильцы – невеста какой подарок.

– Полковник и его жена со своей служанкой, так что мне не придется выносить и мыть их ночные горшки. А может, с ними придет какой-нибудь паренек.

На последнем слове она подмигивает, и я заливаюсь румянцем.

Когда я наконец заканчиваю с плитой – кажется, провозилась целую вечность, и руки черны, как смоль, часы бьют восемь. Хэтти меняет передник и говорит, что ей пора к мадам.

– Не забудь, за все здесь отвечаю я, и ты должна меня слушаться, – командным тоном добавляет она, вновь принимая серьезный вид. – О, чуть не забыла, можешь перекусить хлебом и топленым жиром из кладовой, только много не бери.

Я так увлеклась работой, что даже не вспомнила о маме. Или о папе в его первый день на кладбище. А тем более о завтраке. Но когда Хэтти уходит, велю мне помыть полки в буфетной, я думаю о маме, которая гуляет со своей сиделкой в саду при лечебнице, где, по словам мистера Торпа, полно цветов. Я сказала мистеру Торпу, что мама не любит чужих людей и незнакомых мест, а он велел мне уповать на Господа. Я так и делаю. Даже сейчас, когда мои глаза наполняются слезами.

– Что случилось, Энн? Ты плачешь? – спрашивает мисс Элиза, вырастая передо мной, как из-под земли.

Я вытираю глаза и мотаю головой.

– Нет, мисс, просто пепел в глаз попал.

– Понимаю, непривычно на новом месте. Но если тебе станет хоть капельку грустно, скажешь мне, хорошо?

Как ответить, чтобы не солгать? Я молча киваю и опускаю голову, как велела миссис Торп. Но я не могу смотреть на свои башмаки, заляпанные водой, с обтрепанными шнурками и отрывающимися подошвами, и, подняв голову, встречаюсь с внимательным взглядом голубых, точно незабудки, глаз под длинными темными ресницами.

– Сегодня у нас много работы, – говорит она, рассеянно поглаживая бледную шею. – Что ты думаешь о тушеной телячьей лопатке с картофельными крокетами и сливовым пудинге?

Вопрос ставит меня в тупик. Что еще за крокеты? И разве я должна высказывать свое мнение о меню?

– Думаю, это вкусно, – говорю наконец я, прижимая руку к животу, чтобы успокоить голодное урчание.

– По-моему, идеально для полковника с подагрой. И для первого дня совместной работы, поскольку рецепт довольно простой. Почему бы тебе не начать с пудинга?

Увидев мои перепуганные глаза, она ободряюще улыбается:

– Возьми булку черствого хлеба, срежь корочки и тщательно измельчи. Все там.

Она указывает на дверь в кладовую.

– Мама на завтрак пьет только китайский чай, его приготовит Хэтти. А мы с тобой чуть позже съедим по кусочку имбирной коврижки, и я надеюсь, что ты согласишься высказать свое мнение по поводу вкуса и аромата.

Я ничего не понимаю. Почему я не ношу воду и уголь, как говорила миссис Торп? Она ни словом не обмолвилась, что я буду стряпать, а уж тем более – высказывать свое мнение. И тут меня осеняет. Очевидно, жена викария рассказала мисс Элизе о Джеке, и та подумала, что брат научил меня всем кухонным премудростям. Я уже хочу выбежать из кладовой и во всем признаться – что моя мама совсем помешалась, одноногий отец испытывает болезненное пристрастие к пиву, Джек только поворачивает вертела да свежует кроликов, а сама я умею сажать картошку, мыть горшки и делать прочую грязную работу, как вдруг замечаю сладкий медовый аромат, исходящий от миски, полной мясистых фиолетовых плодов в сизом налете. По ним ползают одуревшие осы. Мои мысли путаются. Я готова вечно вдыхать божественный аромат этих неизвестных ягод.

– Ты нашла хлеб? Он на полке, рядом с турецким инжиром, – окликает меня мисс Элиза.

Я во все глаза смотрю на диковинные плоды; из трещинок выглядывает алая мякоть. Джек рассказывал мне об инжире, который обедающие в клубе джентльмены едят тушеным в портвейне и сливках. Я представляла его маленьким и сморщенным – вроде изюма.

Я нахожу хлеб, терку и нож. Едва начинаю тереть булку, как стираю себе палец, и вытекающая в миску кровь впитывается в хлеб.

Мисс Элиза просит меня взвесить крошки и записать их вес на дощечке.

– Я чрезвычайно серьезно отношусь к взвешиванию и измерению, – объясняет она. – Во всем должен быть порядок и последовательность. Лишь так можно избавить свою жизнь от хаоса. Ты согласна, Энн?

Хоть бы она перестала интересоваться моим мнением: меня это изрядно нервирует, да еще палец болит и приходится думать о стольких вещах сразу. Но этот вопрос приводит меня в еще большее смущение, ведь в ее жизни и без того царят порядок и красота, никакого хаоса и в помине нет. Мне хочется сказать ей, что хаос – это когда мать не узнает свою дочь, ходит под себя и ни с того ни с сего остригает себе волосы ножом. Когда приходится оттаскивать отца от матери, чтобы он ее не задушил. Когда ты не ела несколько дней. Когда нет никаких воспоминаний, кроме как об умирающих братьях и сестрах, а твой отец трясется и кричит во сне каждую ночь. А потом я вспоминаю, какая чистая и аккуратная у нее кухня – настоящий рай. Наверное, она имеет в виду это. Возможно, как раз поэтому я всегда мечтала стать кухаркой: брать съедобные вещи во всем их беспорядке и превращать во вкусные блюда.

– Да, мисс Элиза, – только и говорю я.

После этого мы почти не разговариваем, пока она не приносит из кладовки имбирную коврижку.

– Старый семейный рецепт, – поясняет она, положив кусочек мне на тарелку. – Я экспериментировала с количеством гвоздики и ямайского имбиря. Как тебе?

Я так голодна, что мне с трудом удастся не проглотить кусок целиком.

– Главное в этом пироге – вмешивать каждый ингредиент по очереди обратной стороной деревянной ложки, – говорит мисс Элиза. – Если просто смешать все вместе, а потом взбить, ничего не получится. Уж я-то знаю – о мою первую попытку можно было сломать зубы – совершенно несъедобно получилось.

Она виновато улыбается и спрашивает, не мало ли, на мой взгляд, имбиря. У меня на языке тают плотные коричневые крошки. Рот наполняется душистым теплом и сладостью. Когда я глотаю, в нос ударяет головокружительная острота и свежесть.

– Вижу, тебе понравилось, – улыбается мисс Элиза.

И тут я выпаливаю такое, что наверняка не одобрили бы мистер Торп и его супруга. Поздно: слова вырываются помимо моей воли.

– Я чувствую вкус африканского рая, жаркого темного леса.

Улыбка на лице мисс Элизы расширяется, а глаза вспыхивают. И я осмеливаюсь задать вопрос, не касающийся моей работы.

– Что это за аромат, который прорывается так резко, словно поет высокую ноту у меня на языке?

Она внимательно глядит на меня глазами-незабудками:

– Мелко натертая цедра двух лимонов!

– Невероятно вкусно.

Я хочу сказать, что можно было бы добавить чуть больше имбиря, но это невежливо и не мое дело. А мисс Элиза так обрадовалась моему замечанию о лимонной цедре, что не заставляет меня высказываться по поводу вкуса и аромата.

Остаток дня я помогаю Хэтти готовиться к прибытию жильцов, а затем – мисс Элизе с обедом. Видно, что она нервничает, потому что делает слишком резкие движения, а лицо немного покраснело.

– Мои первые настоящие постояльцы, – несколько раз повторяет она, – скорее себе, чем мне.

Я нарезаю розмарин, шалфей и тимьян для телятины, затем отмеряю и взвешиваю ингредиенты для сладкого соуса к пудингу с изюмом. Рецепт соуса выводит ее из себя: точный вес составляющих не указан, и она должна догадываться. Я наливаю бокал мадеры, взвешиваю масло, сахар и муку, выдавливаю сок из лимона и натираю ложку мускатного ореха. Мисс Элиза опускает ложку в телятину, пробует, добавляет еще щепотку кайенского перца, мускатного цвета и соли, бормоча что-то себе под нос. В тепле кухни, увлеченная работой, вдыхая запах свежего мускатного ореха, я забываю о своих несчастных родителях. И впервые за много лет чувствую радость. Это даже приятнее, чем сидеть в тишине церкви, слушая тихое бормотание мистера Торпа под взглядами нарисованных золотых ангелов.

Глава 11

Элиза

Жаркое из телячьей печени с маринованными лимонами

В полковнике Мартине и его супруге есть что-то неприятное. Какой-то холод в глубине глаз. Мама ходит перед ними на задних лапках, старается во всем угодить. Когда я замечаю, что им не хватает теплоты, она набрасывается на меня, обвиняя в высокомерии, на которое я не имею права.

– Можешь оставаться на кухне, – надменно заявляет она. – Но будь осмотрительна. Не то наши постояльцы подумают, что мы не можем позволить себе настоящую кухарку.

Меня это возмущает. Разве приготовленные мной блюда хуже, чем у настоящей кухарки?

– Вот и прекрасно, мне больше нравится на кухне, – лаконично отвечаю я.

Мартины каждый день отправляются в наемном экипаже в Танбридж-Уэллс, а я готовлю еду и записываю рецепты. Я переписываю их по много раз, ведь они должны быть не просто точными и аккуратными, а изящными и тонкими. Порой я откладываю рецепты и сочиняю несколько стихотворных строк. Переходы от кулинарии к поэзии позволяют мне сохранить остроту ума и тонкость слуха. Благодаря им я могу поймать ритм, уловить темп каждой строчки, будь то стихотворение или рецепт. С каждым днем слова приходят все легче и стремительнее, и я понимаю, что дело в чем-то еще. Задумавшись об этом впервые, я поднимаю голову и вижу Энн. В голову приходит еще одна странная мысль: прилив вдохновения вызывает она.

Я боялась ее вторжения в свою уединенную жизнь. Вместо этого она меня вдохновляет. Вся такая тоненькая, невесомая, будто миндальный лепесток. Лопатки торчат, как крылышки, а огромные глаза блестят, словно церковные свечи в темноте. Подошвы ботинок вот-вот отвалятся... Тем не менее у нее тонкий вкус, способный распознавать малейшие оттенки. Порой я ловлю себя на мысли, что присутствие Энн придает особый смысл самым незначительным мелочам. Я не могу этого объяснить, но понимаю каким-то шестым чувством, и знаю, что эту неуместную привязанность необходимо скрывать от бдительного взора моей матери.

У нас быстро устанавливается ежедневный распорядок. Мы начинаем готовить еду для полковника Мартина и его супруги с первыми лучами солнца, чтобы иметь запас времени и, если нужно, приготовить блюдо два или три раза. Затем Энн убирает на кухне, а я пишу. В первый день я ушла в гостиную, чтобы составить рецепт песочного пирога, который мы два раза недопекли, а затем сожгли до угольков, испортив в процессе приготовления целый фунт отборного почечного жира. Мои нервы были на пределе, ничего не выходило, да еще мама возмущалась, что весь дом пропах горелым жиром. Тогда я вернулась на кухню и стала писать за сосновым столом, а Энн суежилась вокруг, мыла посуду и прибирала. Плеск воды, шуршание швабры по каменному полу, скрип песка и соли – все эти звуки меня успокаивали, и с тех пор я пишу рецепты только на кухне. Затем перекусываю с мамой в столовой, а после этого мы с Энн готовим обед. Если блюда не слишком замысловатые, я могу чередовать рецепты со стихами.

Через несколько дней после прибытия четы Мартин я решаю отправить новое стихотворение в один из лучших литературных ежегодников, «Реликвию». У него самая красивая и чудесная обложка. Я отправляю рукопись с почтовой каретой, и меня охватывает чувство... свершения... достижения. После, когда я пишу короткий рецепт жаркого из телячьей печени с маринованными лимонами, я вижу в словах поэзию и чувствую легкий трепет. Рецепт может быть столь же прекрасным, как стихотворение. Полезным и красивым. Это необязательно

тяжеловесный набор сухих указаний. «Возьмите нежную, светлую печень... вымочите ее на ночь в хорошем уксусе с мелко нарезанным луком и ароматными травами... обжарьте на сильном огне»...

Впервые после бегства отца в Кале у меня появляется цель, я словно обретаю себя. Как будто получаю хоть какое-то право на существование. Быть может, моя жизнь не будет безрадостной и убогой. Быть может, создание рецептов будет питать и поддерживать меня, подобно поэзии. Быть может, я стану чем-то большим, чем старая дева.

Я настолько погружена в работу, что едва замечая Мартинов и начисто забываю об их странной холодности. Лишь впоследствии я начинаю сожалеть, что, увлеченная своим возрождением, совсем не обращала на них внимания. Но к тому времени оказывается слишком поздно.

Глава 12

Энн

Кувшин с водой

Следующие три дня я старательно выполняю все, что велит мисс Элиза. Соскребаю с карамельной головы сахар, очищаю от грязи и насекомых овощи, чищу песком раковину, расстилаю чайные листья на просушку. Таскаю воду и дрова, приношу с рынка рыбу. Нарезаю, процеживаю, натираю, ошипываю. Развожу огонь, подметаю, черню плитку. Мою, чищу, полирую. А когда выдается свободная минутка, я ем. Подбедаю горелые корочки пирогов, что годятся только для свиней, пью свернувшиеся сливки, которые предназначены кошке. Тайком запикиваю в рот полные ложки пересоленных соусов, от которых сводит язык. Доедаю остатки, облизываю деревянные ложки и даже миску от теста. Я не могу удержаться, ведь у меня живот ссохся от голода, а я никогда не видела столько еды. Погруженная в работу мисс Элиза не замечает пропавшей корки или облизанной ложки. Иногда она оставляет свое занятие и внимательно на меня смотрит. Но вовсе не потому, что поймала меня жующей подгоревший пирожок из миски для свиней или оставленную полковником Мартином горбушку. Она будто удивляется, откуда я взялась у нее на кухне. И кто я вообще такая.

Время от времени появляется мадам и передает слова благодарности от постояльцев. Нас с мисс Элизой распирает от гордости. Всего один раз пирог с почками возвращается наполовину недоеденным. Мисс Элиза видит, что я пожираю его глазами, истекая слюной.

– Можешь съесть, если хочешь, – говорит она, двигая ко мне пирог.

Сочная мясная начинка с розмарином, костным мозгом и желе из красной смородины – такая вкуснятина, что я забываю обо всем на свете. После у меня начинаются колики в желудке. И живот вздувается. Нельзя так жадничать с едой.

Однажды вечером я собираю в кастрюльку очистки для бульона, как вдруг вбегает мадам.

– Хэтти заболела. Энн, сходи в столовую и узнай, все ли в порядке у постояльцев. Ах, Элиза, нам катастрофически не хватает прислуги. Это никуда не годится!

– Надень шлепанцы Хэтти и чистый передник, – говорит мне мисс Элиза. – Ступай в столовую и предложи полковнику и миссис Мартин воды. Да осторожно, не пролей.

Она вставляет в вырез моего платья веточку лаванды, чтобы замаскировать кухонный запах, и взмахом руки выпроваживает из комнаты.

Делать нечего – я иду в столовую, хотя мне не по себе. Круглый стол, за которым восседают полковник и миссис Мартин, покрыт белой льняной скатертью и уставлен тяжелыми серебряными приборами, бокалами разной величины и формы, полосатыми салфетками. В самом центре стоят крошечная тарелочка с зубочистками и какие-то серебряные графинчики. Миссис Мартин косится на меня с таким видом, точно подозревает в намерении украсть ее драгоценности, затем начинает внимательно рассматривать свои руки. Полковник Мартин меряет меня взглядом, будто собирается сшить мне новое платье.

Меня не учили разговаривать с жильцами. Я просто беру кувшин и спрашиваю:

– Воды?

Я произношу это слишком резким тоном, поскольку меня озадачили выстроившиеся за каждой тарелкой бокалы. Какие из них для воды, а какие для вина? Миссис Мартин делает вид, что не слышит, и продолжает разглядывать ногти. На мое счастье, полковник указывает на простой бокал с гладкими стенками и благодушно кивает. Будто знает, что я впервые вышла к гостям. Я начинаю наливать воду, очень медленно и осторожно. И вдруг замираю. Что-то движется по моей ноге и сжимает бедро. Я стою, не шевелясь, сердце выскакивает из груди, рука сжимает ручку кувшина, дрожащего над графинчиками с маслом и уксусом. Голос в голове

говорит, что надо отойти в сторону, обойти вокруг стола и налить воды миссис Мартин. Но я этого не делаю. Потому что другой голос в другой части головы говорит, что нельзя никого обижать, нельзя оскорблять чувства наших жильцов. Меня выручает полковник.

– До краев, девица. До краев!

Он указывает пухлой рукой с прожилками вен на бокал. Его вторая рука – а это его рука! – остается у меня на бедре. Пальцы ослабили хватку, и я думаю, не случайность ли это. Может, он сделал это бессознательно. Наверное, надо просто стряхнуть эту руку, как надоедливое насекомое, как собака – блоху; он поймет, смутится и вернет руку на колени.

Моя рука с кувшином дрожит, на самом деле я вся трясусь, как водная гладь от порыва свежего ветра, и стараюсь лить медленно, не отрывая взгляда от носика, держа его точно над бокалом, несмотря на дрожь.

Внезапно я вновь чувствую его прикосновение. Рука крадется вверх по моей ноге и гладит ягодицы. Затем он щипает меня так сильно, что кувшин вздрагивает, и вода льется прямо на стол. Все происходит так быстро: онемевшие от страха руки, стук сердца, спорящие в голове голоса, что я полностью теряю самообладание и стою, оглохшая и онемевшая, точно соляной столб, а вода льется на лучшую скатерть моей хозяйки.

– Ах, неуклюжая девчонка!

Миссис Мартин поднимает на меня пронзительный взгляд.

– Ну-ну, успокойся, Джейн, – увещевает ее полковник Мартин, чья блудливая рука, как ни в чем не бывало поглаживает бакенбарды. – Видимо, она новенькая.

Он вынимает из-за воротника салфетку и промокает воду, а затем машет мне и просит принести новую салфетку.

Я стою, как истукан. Голос в голове подсказывает, что надо извиниться, а рот не открывается.

– Пошевеливайся, девчонка! Принеси чистую салфетку! – немедленно приводит меня в чувство визгливый окрик миссис Мартин.

Я выхватываю у полковника салфетку и бросаюсь к бельевому шкафу.

Когда я возвращаюсь в столовую, мадам беседует с миссис Мартин о погоде. Только бы хозяйка не заметила влажную скатерть! К счастью, она поспешно удаляется в погреб за вином. Я делаю неловкий книксен и протягиваю полковнику Мартину новую салфетку. Он указывает на свой воротник, чтобы я заправила ее сама, и выпрямляется за столом, а я непослушными пальцами встряхиваю салфетку. Держа ее на вытянутых руках, я пытаюсь засунуть уголок ему за воротник, на ощупь, как слепец, в ожидании его руки у себя на ноге. Но его руки чинно лежат на коленях, я решаюсь придвинуться ближе и наконец заталкиваю уголок салфетки под воротник. Его шея под моими пальцами красная, горячая и рыхлая. Когда салфетка наконец водружена на место и я уже начинаю отходить от полковника, то замечаю краешком глаза нечто необычное. Его мужское достоинство высунуто из штанов и торчит вверх розовым столбиком. Я отшатываюсь, залившись краской.

В этот момент возвращается мадам с бутылкой вина. Полковник Мартин непринужденно вытаскивает салфетку из-за воротника и опускает на колени.

– Это новенькая? – кивает он на меня.

Я трясусь как осиновый лист. Что, если он нажалуется? Что, если хозяйка увидит мокрое пятно на своей лучшей скатерти? Миссис Мартин сверлит меня злыми глазами-бусинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.